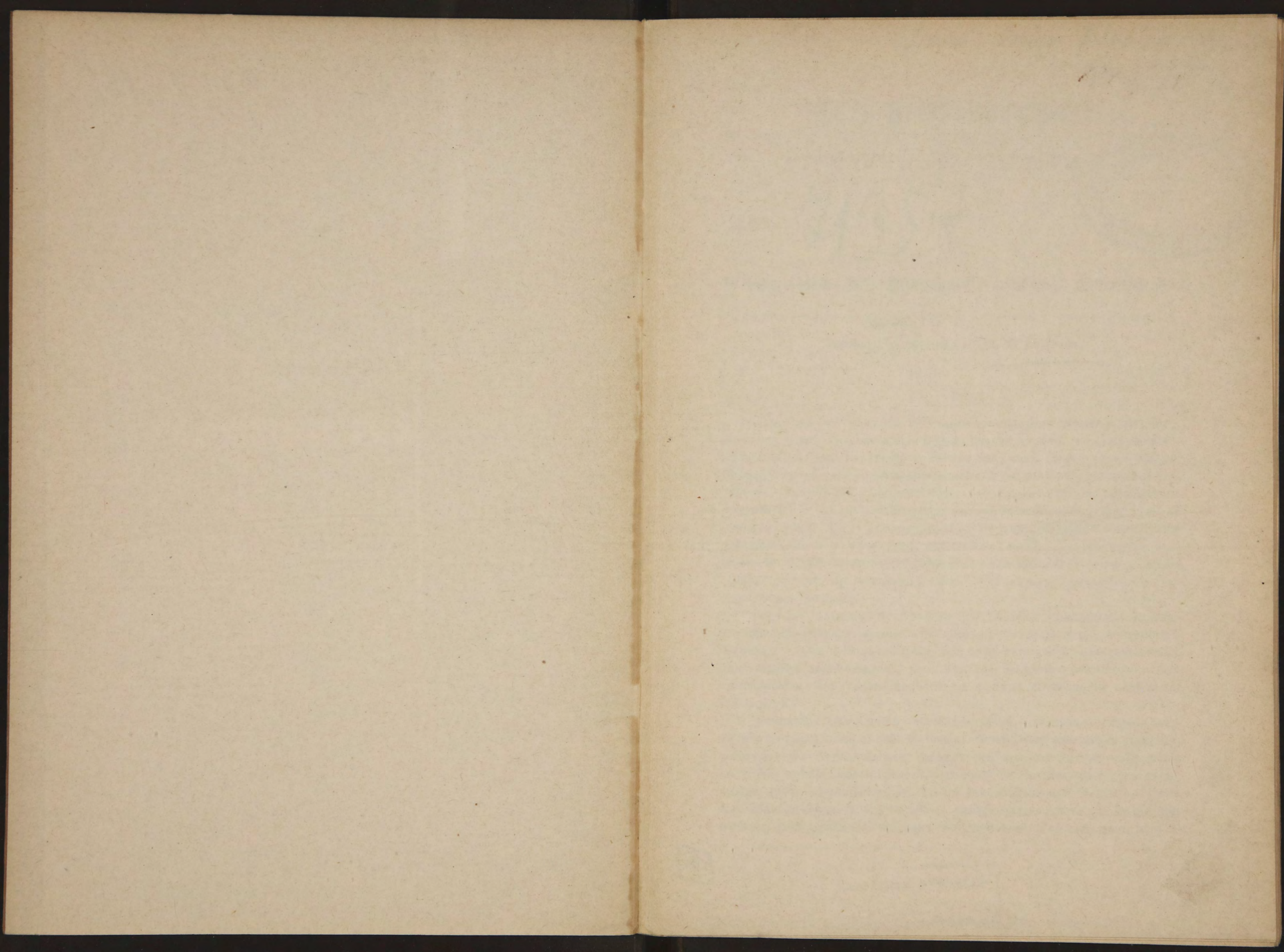
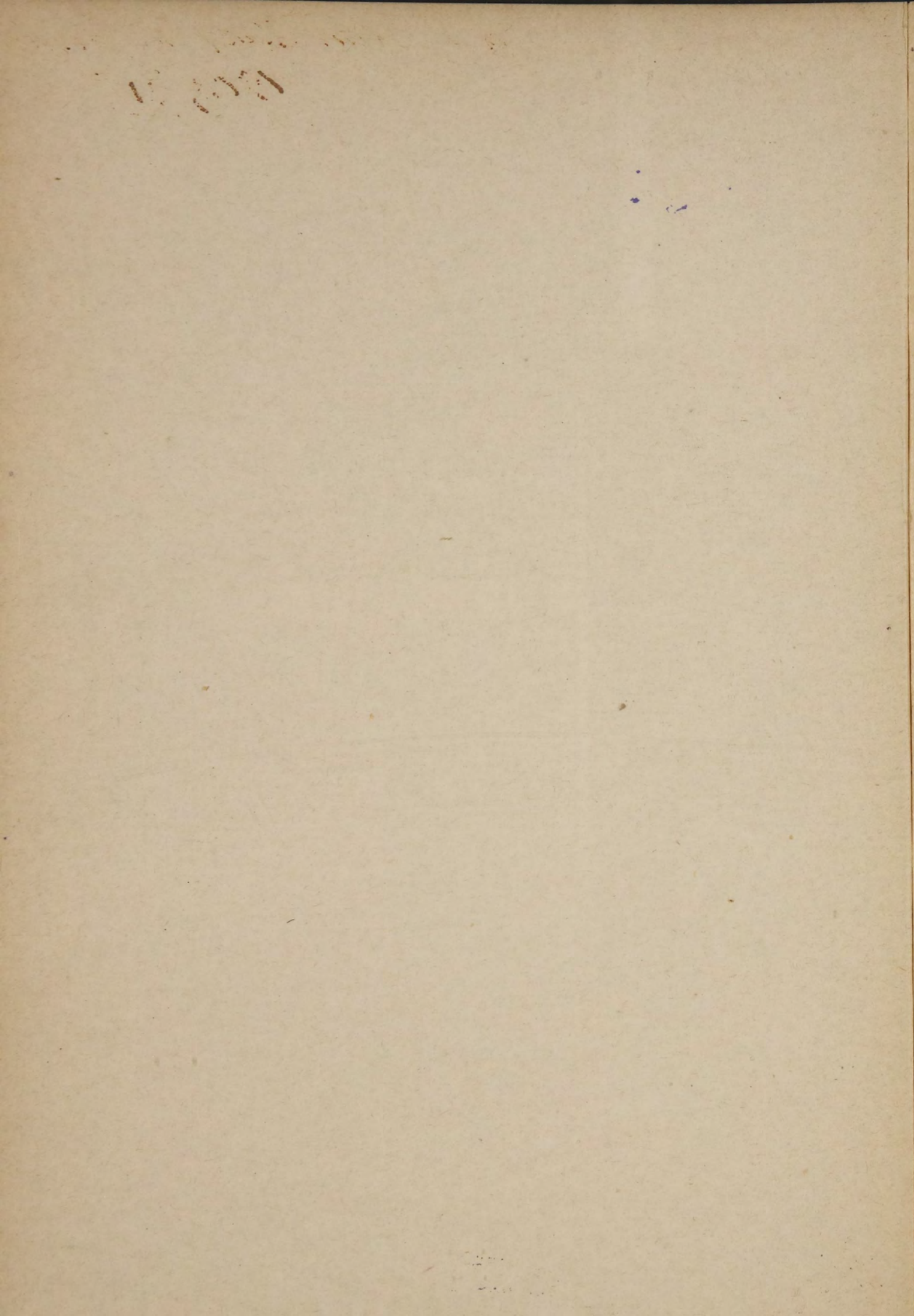

21357.

Зан. Унив. Харьк. Унив.

1903, IV. к

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

83743

21357

Введеніе въ Византійскую исторію.

(Вступительная лекція III. Диль, читанная въ Сорбоннѣ 7 декабря 1899 года).

Переводъ съ француз. студ. Г. Васькова.

I.

Существуютъ слова, за которыми установилась дурная репутація— къ числу словъ этой категоріи принадлежитъ и слово „византійскій“. Выраженіемъ „византійскіе разговоры“, какъ стереотипной фразой, журналистъ называетъ продолжительные и бесполезные дебаты въ парламентѣ; названіемъ „византійской церемоніи“ онъ осмѣиваетъ утонченныя и напыщенныя выраженія какого-либо протокола. Даже въ лучшихъ умахъ слово „византизмъ“ вызываетъ какое-то непріятное представленіе о запутанныхъ, скучныхъ спорахъ, безконечныхъ преніяхъ по поводу какого-либо наклоненія или запятой; нѣтъ надобности говорить о томъ представленіи, какое соединяется съ выраженіемъ „византійскіе нравы“.

Для большинства представленіе о Византіи неразрывно связано съ картиной цѣлаго народа крючковатыхъ богослововъ, „болтливыхъ идіотовъ“, какъ говоритъ Тэнъ, отшлифованныхъ и изукрашенныхъ допотопнымъ церемоніаломъ, забывающихъ за пустою болтовнею и бессмысленными формулами наиболѣе насущныя потребности національной жизни.

Благодаря совершенно безсознательному, но прочно укоренившемуся ожесточенію мірянина по поводу теперь уже улегшихся страстей, распаленныхъ богословскими спорами, мы все еще судимъ о Византіи съ точки зрѣнія крестоносцевъ, которые ея не понимали и съ точки зрѣнія папъ, отлучившихъ ее. Со времени Вольтера и Монтескье стало уже общимъ мѣстомъ у историковъ представлять Восточную Греческую имперію выродившимся жалкимъ наслѣдникомъ Римской имперіи. Об-

щимъ мѣстомъ стало, равнымъ образомъ, въ области краснорѣчія ссы- латься на примѣръ византійцевъ времянъ упадка, которые ожесточенно спорили изъ-за пустяковъ въ то время, когда Магометъ II стоялъ у во- ротъ Константинополя.

Такимъ образомъ, прибѣгая къ избитому анекдоту или обычному эпитету, пускаютъ на смарку 10 столѣтій исторіи, въ которой весьма часты славные моменты и которая всегда интересна; исключаютъ изъ области изученія 10 вѣковъ цивилизаціи, которая, пожалуй, была наи- болѣе блестящей и утонченной цивилизаціей, какую знаютъ средніе вѣка.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что у Византіи были свои недостатки, по- роки, которыми и объясняется ея дурная слава; отрицать эти недостатки было бы ребячествомъ. Въ исторіи Византіи были и дворцовыя револю- ціи, и государственные перевороты, и солдатскіе бунты и въ этомъ отношеніи она имѣетъ громадное сходство съ Римомъ времянъ цезарей. Она страстно любила игры въ циркѣ, ни чуть не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ императорскаго Рима, и даже, пожалуй, превосходила въ этомъ своего великаго предшественника, пресытившагося уже этими опасными зрѣлищами. Не смотря на всю утонченность своей цивилиза- ціи она обладала, подчасъ, жестокими, варварскими нравами и, являясь въ этомъ отношеніи истиннымъ дѣтищемъ Среднихъ вѣковъ, она да- леко превосходила въ жестокости громадное большинство современныхъ и смежныхъ съ нею народовъ; наконецъ, она породила низкія души, лакейскіе характеры и въ этомъ имѣетъ сходство, пожалуй, со всѣми временами. Внѣ всякаго сомнѣнія—и это не малый упрекъ—она до бе- зумія любила богословскіе споры и, благодаря имъ, равнымъ образомъ, пренебрегала интересами и государства и церкви. Хотя трудно сказать, не впадаемъ ли мы здѣсь въ ошибку, благодаря неполнотѣ нашихъ знаній.

Какое бы широкое значеніе ни отвели мы свойственной грекамъ страсти къ разнымъ утонченнымъ разсужденіямъ, всетаки мы не мо- жемъ не удивляться тому, какъ это государственные люди, и притомъ мыслители, возбуждаютъ изъ-за суетной страсти къ догматизированію непримиримыя разногласія и глубокія смуты въ Имперіи. Но дѣло въ томъ, что формулы, служащія лозунгомъ партій, какъ извѣстно, въ краткихъ формахъ скрываютъ всевозможныя притязанія и планы; такимъ же образомъ подъ богословскими выраженіями византійцевъ скрываются идеи, программы, политическая оппозиція; такимъ образомъ, именно интересы государства, а совсѣмъ не страсть къ нововведеніямъ въ области вѣры чаще всего опредѣляли въ этой области поведеніе импе- раторовъ. Къ тому же, въ этой „всемірной“ монархіи, гдѣ единство вѣры было единственнымъ средствомъ соединенія частей въ единое

цѣлое, гдѣ православіе, какъ это было правильно замѣчено, замѣняло собою національность, едва-ли удивительно преобладаніе вопросовъ религіозныхъ надъ чисто политическими. Едва-ли поэтому мы имѣемъ право признавать споры по религіознымъ вопросамъ пустыми только потому, что мы ихъ не понимаемъ. Наконецъ, предположимъ—я отрицаю это самымъ рѣшительнымъ образомъ—, что всѣ эти недостатки и пороки византійцевъ составляютъ ихъ неотъемлемое свойство и притомъ обладаютъ именно тѣми размѣрами, какіе мы приписываемъ имъ благодаря несовершенству нашего знанія Византійской исторіи. Но имѣемъ ли мы право и при этихъ условіяхъ сказать, что во все продолженіе долгаго существованія народа онъ оставался все однимъ и тѣмъ же, можемъ ли мы однимъ общимъ приговоромъ осудить съ византійцами XIV и XV вѣка, которые были, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ это утверждаютъ, слабы и несчастны, и ихъ великихъ предшественниковъ VI, X или XII столѣтій, современниковъ Юстиніана, Василія, Комниновъ?

Въ теченіе долгаго времени византійское искусство опредѣляли, какъ тусклое, монотонное; было бы громадной ошибкой тѣми же выраженіями опредѣлять и византійскую исторію и одинаково презрительно относиться къ византійцамъ всѣхъ временъ. Наши представленія о Византіи, безразлично о какомъ времени, какомъ столѣтіи ея исторіи ни идетъ дѣло, какъ о Византіи, вѣчно находящейся въ упадкѣ, сладострастной и набожной, кровожадной и робкой, бездѣятельной и тоскующей, неизмѣнно характеризуемой убійствами императоровъ, народными бунтами, скачками въ Гипподромѣ—граничить уже съ банальностью.

Но существуетъ иная Византія, болѣе истинная, болѣе интересная и живая, богатая великими зрѣлищами и славными лицами, полная энергіи, способная на усиліе, съ изысканными удовольствіями, съ высокою художественной и умственной культурою. Эту Византію нѣтъ возможности ни изобразить, ни охарактеризовать въ одной формулѣ, потому что она жила долгіе вѣка и, какъ всякій живой организмъ, она измѣнялась съ лѣтами. Въ то же время ее нельзя оцѣнивать, прилагая къ ней мѣрку нашихъ современныхъ представленій или сравнивая ее съ Римомъ и Греціей, потому что она была, какъ это уже было замѣчено, „средневѣковымъ государствомъ на крайней границѣ Европы, стоявшимъ грудъ съ грудью съ азіатскимъ варварствомъ“¹⁾.

Но это государство, каково бы оно ни было, было велико.

¹⁾ A. Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. VII.

II.

Вглядитесь въ эту десятивѣковую исторію, въ продолженіе которой имперія, не сдаваясь, выдерживала натискъ всевозможнаго варварства. Готы, гунны, авары, славяне, персы, арабы, болгары, русскіе, венгры, норманны волна за волною обрушивались на византійскія границы—и всѣ они разбились о стѣны города „хранимаго Богомъ“. Несомнѣнно, что на ряду съ моментами славы стоятъ и долгіе годы упадка. Не разъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, утративъ провинціи, Византійская Имперія ограничивалась зубчатой оградой столицы и тѣмъ не менѣе у нея находились силы, неожиданные запасы жизненности и энергіи. Подъ водительствомъ Юстиніана имперія не безъ гордости возвратила себѣ древнее наслѣдіе Рима и вновь обратила почти на два вѣка Средиземное море въ римское озеро. Со своими императорами, которыхъ клеймятъ прозвищемъ „иконоборцевъ“, она отбросила на востокъ волну ислама какъ разъ около того времени, когда Карлъ Мартелль спасъ христіанство и культуру при Пуатье. Съ великими владыками Македонской династіи имперія сдержала на горахъ Тавра напоръ арабовъ и ея побѣдоносныя войска достигли Сиріи; въ то же время она отбросила русскихъ отъ Дуная, стѣснила печенѣговъ и хазаръ и въ морѣ крови потопила могущественное Болгарское царство.

Время Комниновъ было порою не безславной борьбы съ восточными и западными варварами. Лишь на короткое мгновеніе въ бурный періодъ 4-го Крестоваго похода слава имперіи, казалось, померкла и сама она погибла; не на долго Фландрскій графъ возсѣлъ на престолѣ Порфирородныхъ: въ Никеѣ, Трапезундѣ, Эпирѣ возродилась греческая національность и не болѣе, какъ черезъ 60 лѣтъ послѣ катастрофы 1204 г., Михаилъ Палеологъ возвратился владыкою города Константина. Правда, насталь день паденія истощенной имперіи подъ ударами туроковъ, но до этой послѣдней катастрофы, въ которой повинно въ равной, если не большей степени, чѣмъ сама Византія, безразличное, если не враждебное настроеніе латинскаго Запада, сколько было въ жизни этого народа неожиданныхъ и блестящихъ возрожденій! Сколько разъ, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ, „старуха имперія возрождалась въ образѣ молодой дѣвушки, въ уборѣ изъ золота и драгоценныхъ камней“! Византійская Имперія жила и это не малая заслуга и далеко не простое слѣдствіе счастливой случайности. Благодаря своей военной доблести она не разъ спасала Европу, и, несомнѣнно, въ ней было нѣчто кромѣ ея пороковъ, разъ она среди такихъ опасностей пережила болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ Западную Римскую Имперію.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, схема византійской исторіи; теперь—нѣсколько словъ о ея любопытныхъ чертахъ.

Существуетъ весьма интересная книга, относящаяся къ X вѣку, въ которой одинъ изъ византійскихъ императоровъ не побрезговалъ самъ описать великолѣпіе и торжественную обстановку официальной византійской жизни; это—извѣстная книга *De cerimoniis*. Стоитъ ее раскрыть на удачу и на любой страницѣ вы встрѣтите картины, которыя кажутся прямо взятыми изъ „Тысячи и одной ночи“. Вы увидите великолѣпныя процессіи, торжественныя приемы, причудливыя и пышныя празднества; на улицахъ столицы, подъ сводами св. Софіи, въ залахъ императорскаго дворца непрерывно развертываются необычайно роскошныя, пестрыя картины. Въ галлерейхъ и покояхъ дворца, затянутыхъ парчею, шелковыми тканями и коврами, съ мраморными полами, покрытыми восточными коврами или усыпанными розами, въ іерархическомъ порядкѣ вытягиваются тѣлохранители въ серебряныхъ доспѣхахъ съ золочеными щитами, варяжскіе богатыри съ громадною сѣкирою у плеча, дворцовые чиновники и придворные сановники въ доспѣхахъ, сверкающихъ позолотой, въ расшитыхъ туникахъ, въ пурпуровыхъ и золототканыхъ одѣяніяхъ. Въ большомъ триклиніи Магнавры, гдѣ глаза разбѣгаются при взглядѣ на императорскія сокровища, гдѣ старинныя чудеса ювелирнаго искусства, діадемы, сверкающія эмалью и драгоценными камнями, гдѣ тяжелые далматики, затканые причудливыми узорами, напоминаютъ о длинныхъ вѣкахъ блеска и славы имперіи, возвышается въ углубленіи абсиды золотой императорскій тронъ. У его подножія на эстрадѣ лежатъ два золотыхъ льва, сзади нихъ золотое дерево раскидываетъ свои вѣтви, а на нихъ сидятъ разукрашенныя эмалью золотыя птицы; тутъ же высшіе сановники держатъ императорскія инсигнії и государственное знамя. Когда василевсъ выходитъ, привѣтствуемый обычнымъ возгласомъ подъ звуки гимновъ, исполняемыхъ подъ аккомпаниментъ золотого органа пѣвчими храма св. Софіи или свв. Апостоловъ; когда онъ передъ склонившимся дворомъ занимаетъ мѣсто на тронѣ, ослѣпляя взоры сверканіемъ драгоценныхъ камней и золотыхъ одеждъ, почти скрывающихъ его лицо, то при величественности осанки онъ кажется скорѣе живымъ воплощеніемъ божества, скорѣе святымъ изображеніемъ, чѣмъ человекомъ.

Чтобы еще болѣе возвысить это необычайное величіе, а въ особенности для того, чтобы поразить удивленіемъ варварскихъ пословъ, являвшихся въ Византію, или иностранныхъ государей, въ дополненіе къ этой роскоши придумали еще иное средство: на помощь призвали механику и создали настоящую феерію. Въ ту минуту, когда послан-

никъ вступалъ въ залъ, птицы, сидѣвшія на золотомъ деревѣ, начинали порхать и пѣть, лежавшіе львы вставали и поднимали ревъ въ то время, какъ звуки органа все росли и ширились. Когда посланникъ распростирался ницъ, воздавая василевсу обязательное по этикету „поклоненіе“ (adoratio), императоръ со своимъ трономъ отдѣлялся отъ земли; онъ поднимался все выше и передъ глазами поднявшагося варвара, окаменѣвшаго отъ изумленія, онъ являлся уже какъ бы въ апоѳеозѣ на воздухѣ и былъ облаченъ уже въ новыя одежды.

Такого рода описанія можно было бы продолжать безъ конца. Я могъ бы изобразить вамъ триумфальныя шествія, въ которыхъ императоръ проходилъ по столицѣ, осыпaeмый цвѣтами, подъ звуки побѣдныхъ гимновъ при иллюминаціи и серенадахъ разныхъ партій; я могъ бы описать вамъ церемоніи, происходившія въ Гипподромѣ, когда василевсъ попиралъ ногою, обутою въ пурпуръ, головы склонившихся передъ нимъ побѣжденныхъ царей, при кликахъ населенія, которые черезъ Босфоръ до береговъ Азіи доносили звуки безумной народной радости. Я могъ бы вамъ рассказать о волшебныхъ празднествахъ, во время которыхъ изъ стремленія къ оригинальному и колоссальному, опускали съ потолка на императорскій столъ гигантскія золотыя блюда, поднять которыя не въ пору и 10 человѣкамъ. Я могъ бы нарисовать вамъ картины торжественныхъ богослуженій въ св. Софіи, залитой блескомъ каменьевъ и безчисленными огнями свѣчей или изобразить весь блескъ пышныхъ крестныхъ ходовъ, развертывавшихся подъ ея золотымъ куполомъ. Я могъ бы вамъ, наконецъ, описать лагерную жизнь византійцевъ, картину суровой, дѣятельной, полной неожиданностей и героической жизни воиновъ, охранявшихъ границу, или же познакомить васъ съ анекдотами изъ военнаго быта, которые дошли до насъ въ недавно открытой маленькой книжкѣ XI в., но у насъ не много времени и я спѣшу перейти къ людямъ, оживлявшимъ эту несравненную обстановку, къ сценамъ, нерѣдко увлекательнымъ и драматическимъ, которыя въ ней разыгрывались. И здѣсь, среди лицъ, которыя могутъ возбудить интересъ и привлечь любопытство или удивленіе, сдѣлать выборъ очень затруднительно.

Въ ближайшихъ лекціяхъ я попытаюсь набросать предъ вами изображеніе Юстиніана и Θεодоры, полководцевъ и администраторовъ, прославившихъ ихъ царствованіе. Для того, чтобы отмѣтить предъ вами этотъ міръ контрастовъ, сочетанія высокихъ качествъ и безсилія въ душѣ византійца, я возьму примѣръ изъ другого періода исторіи. Я останавлиюсь на Никифорѣ Фокѣ, съ такимъ искусствомъ изображенномъ Шлюмберже. Онъ былъ превосходнымъ солдатомъ, несравненнымъ пол-

ководцемъ; прежде чѣмъ достигнуть трона, онъ всю свою жизнь провель въ лагерѣ; больше всего онъ любилъ военное дѣло, могъ перенести всевозможныя трудности и не боялся опасности; одинаково суровый къ себѣ и солдатамъ, онъ былъ обожаемъ войсками, которые его грубое мужественное краснорѣчіе воспламеняло, а его поразительная храбрость увлекала къ пренебреженію какой угодно опасностью. Но подъ этой холодной и спокойной внѣшностью солдата, подъ его молчаливой и мрачной наружностью скрывалась глубоко страстная душа. Одно время его глубокая набожность, подкрѣпляемая затаенной печалью, склонила его къ мистицизму. Какъ многіе его современники, онъ мечталъ покинуть міръ для того, чтобы въ пустынномъ уединеніи обители искать забвенія и мира. Эти неосуществленные желанія на долго оставили въ немъ привычки аскета—онъ любилъ общество иноковъ, изнурился постами, спалъ на твердомъ, во власяницѣ, оставленной ему его дядею, инокомъ, почившимъ со славою святого.

Позже въ его неустойчивой и смущенной душѣ зародилась другая страсть, не менѣе захватывающая и жгучая; она устранила благочестивыя грезы. Никифоръ Фока влюбился до безумія во вдову императора Романа II—въ восхитительную, но измѣнчивую Теофано, которую современный лѣтописецъ называетъ „самой прекрасной, обольстительной и утонченной женщиной его времени“. Ему было 50 лѣтъ; онъ былъ смуглый, загорѣлый, съ сѣдѣющей бородой, небольшого роста, почти тучный—и тѣмъ не менѣе онъ не поколебался. Едва занявъ тронъ императора благодаря перевороту, Никифоръ женился на Теофано. Отъ этого шага его не удержали ни совѣты и огорченіе его возлюбленныхъ монаховъ, ни жестокое сопротивление Константинопольскаго патріарха, уговаривавшаго его во имя преданій святой церкви; не смотря на увѣщанія смѣлаго пастыря въ храмъ св. Софіи въ присутствіи массы народа, не смотря на свои лѣта, не смотря на все свое благоразуміе, не смотря ни на что Никифоръ уступилъ своей страсти. Послѣ мы увидимъ послѣдствіе этого неподходящаго союза; здѣсь мы только отмѣтимъ, что этотъ суровый полководецъ, сдѣлавшись владыкою имперіи, сумѣлъ показать себя достойнымъ высокой миссіи императора. Воинъ показалъ себя самымъ тонкимъ, хитрымъ, иной разъ даже коварнымъ дипломатомъ; страстный любовникъ, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, чтобы исполнить капризы Теофано, умѣлъ копить государственныя гроши съ такимъ искусствомъ, что удостоился обвиненія въ скряжничествѣ; и, главное, онъ нашелъ въ себѣ силы оторваться отъ соблазнительной нѣги дворца, чтобы возобновить Сирійскимъ походомъ вѣчную борьбу противъ невѣрныхъ. Несомнѣнно, онъ былъ, какъ прави-

тель, суровъ, непреклоненъ, иногда неумолимъ; несомнѣнно также, онъ былъ до несправедливости пристрастенъ къ своимъ солдатамъ, которыхъ, въ сущности, онъ любилъ всего болѣе; и тѣмъ не менѣе, онъ былъ великимъ и славнымъ императоромъ и въ его сложной душѣ—энергичной и набожной, мистической и влюбленной, коварной и страстной—мы замѣчаемъ какъ бы en raccourci причудливое соединеніе доблести и пороковъ, которое создавалось въ высшемъ византійскомъ обществѣ воспитаніемъ, сливавшимъ идеалы инока и воина.

Я могъ бы изобразить вамъ еще не мало другихъ лицъ изъ этого забытаго міра, показать вамъ великихъ императоровъ или государственныхъ людей, полководцевъ и дипломатовъ, славныхъ ученыхъ и извѣстныхъ придворныхъ, литераторовъ и церковниковъ, величественныхъ феодальныхъ бароновъ и министровъ-централизаторовъ. Я могъ бы изобразить людей съ великой и благородной душой—въ родѣ Никиты или Евстафія, или же людей съ мелкой грязной душой—въ родѣ Пселла, типичнаго византійскаго придворнаго, который, не смотря на свою нравственную низость, обладалъ дарованіями новатора и притомъ болѣе выдающагося по уму въ свое время. Послѣдніе 20 лѣтъ день за днемъ приносятъ намъ новыя открытія, даютъ намъ возможность лучше знать этихъ людей и не только благодаря рассказамъ объ ихъ поступкахъ, но благодаря ихъ письмамъ, мемуарамъ, автобіографіямъ, въ которыхъ они даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ ихъ характеровъ, ихъ души. При свѣтѣ этихъ данныхъ не представилось бы затрудненія показать вамъ все причудливое разнообразіе ихъ характеровъ, ихъ симпатичныхъ чертъ, могучей и смѣлой оригинальности. Еще болѣе любопытно было бы, пожалуй, набросать нѣсколько женскихъ портретовъ изъ области этой исторіи, представить, въ качествѣ историка, галерею государынь. И это не былъ бы рядъ блѣдныхъ восточныхъ безличныхъ призраковъ въ родѣ тѣхъ, какія наполняютъ современный Стамбулъ. Онѣ обладаютъ яркой, рельефно вырисовывающеюся индивидуальностью. Здѣсь мы встрѣтимъ, пользуясь выраженіемъ одного изъ болѣе видныхъ историковъ Византіи Рамбо, „всевозможные типы женщинъ: женщинъ-политиковъ, въ родѣ Ирины Аѳинянки, писательницъ, Евдокію или Анну Комненъ, свѣтскихъ львицъ, въ родѣ Зои Багрянородной, и рядомъ женщинъ набожныхъ, преданныхъ чистымъ горнимъ помысламъ о небесномъ, какъ сестра Зои—Θеодора, и дамъ, увлеченныхъ помыслами о новыхъ благовоніяхъ, мелочами туалета, изобрѣтеніемъ новыхъ модъ платья и прически, отъ которыхъ сходила съ ума вся дамская Византія. Были среди нихъ такія, о которыхъ никто не говорилъ ни слова, и такія, о которыхъ только и говорили; однѣ были недоступны ни для

кого, кромѣ подвижниковъ, иноковъ и ревностныхъ пастырей; другія любили ловкихъ кавалеровъ и свѣтскихъ собесѣдниковъ. Были и такія, изъ окна которыхъ отъ времени до времени грузно падало зашитое въ мѣшокъ человѣческое тѣло и исчезало въ безмолвныхъ водахъ Босфора ¹⁾.

Многія изъ очаровательныхъ повелительницъ могли-бы, вступая на тронъ, похвалиться осуществленіемъ прекрасной мечты. Точно въ старыхъ сказкахъ, въ которыхъ короли женятся на пастушкахъ, Византійскіе императоры заключали, нерѣдко, вполне неравные браки. До встрѣчи съ Юстиніаномъ Теодора была танцовщицей, а если вѣрить лѣтописцу, то и чѣмъ то гораздо худшимъ, но она была красива и обладала тонкимъ умомъ; она умѣла не только понравиться, но и сумѣла заставить жениться на ней; болѣе того, вступивъ на тронъ, она оказалась женщиной съ головой и, какъ бы ни клеймили ея имя, она была достойна, въ общемъ, своей чудесной судьбы. Теофано, о которой мы только что говорили, происходила далеко не изъ благородной семьи: не взирая на благородныхъ предковъ, которыхъ у нея послѣ отыскали, она была дочерью мелкаго Константинопольскаго трактирщика, но зато она была на зависть хороша, честолюбива и знала жизнь. Она вскружила голову наслѣднику престола, сумѣла заставить жениться на себѣ и благодаря своему уму деспотично правила дворцомъ и имперіей. Когда вслѣдствіе преждевременной смерти Романа II она осталась совсѣмъ молодой вдовой, она сумѣла среди сложныхъ и измѣнчивыхъ отношеній двора обезпечить себѣ превосходное положеніе. Не смотря на четырехъ дѣтей отъ перваго брака, она была красивѣе, чѣмъ когда либо; она прекрасно знала, какую пылкую страсть возбуждала она въ Никифорѣ Фокѣ. Была ли она сама захвачена этою страстью, трудно сказать; во всякомъ случаѣ, ей не трудно было довести этого суроваго, влюбленнаго солдата до рѣшимости овладѣть сначала властью, а потомъ раздѣлить ее съ нею. Затѣмъ ей прискучилъ Никифоръ, какъ, говорятъ, прискучилъ и Романъ II. Она влюбилась—и это единственная серьезная любовь въ ея жизни—въ болѣе изящнаго и молодого героя. Но здѣсь романъ смѣняется драмой—выступаетъ убійство. Въ декабрьскую бурную, темную ночь, въ мятежь, Теофано сама вводитъ заговорщиковъ во дворецъ и скрываетъ на женской половинѣ; она сама старается усыпить подозрѣніе мужа и, оставивъ открытой дверь комнаты, сама же даетъ знакъ убійцамъ. Я опушу, по недостатку времени, глубоко трагическое повѣствованіе объ этомъ преступленіи. Я прибавлю

---

¹⁾ A. Rambaud, *Imperatrices d'Orient* (Revue des deux mondes, 1891; 1, p. 338).

къ этому только, что Теофано потерпѣла ужасное пораженіе и въ честолюбіи и въ любви. Сдѣлавшись императоромъ, Иоаннъ Цимисхій не подумалъ ни о признательности, ни о вѣрности своей возлюбленной— онъ отправилъ ее въ печальное изгнаніе, гдѣ этой обольстительной повелительницѣ, вліяніе которой было столь роковымъ для трехъ императоровъ, оставалось только умереть.

Это, если можно такъ выразиться,—узоръ исторіи; ея основа не менѣе замѣчательна. Имѣйте въ виду, что Византійская имперія—наслѣдница имперіи цезарей, что она получила и нерушимо сохранила всю полноту римскихъ традицій, пришедшихъ въ забвеніе и уничтоженныхъ нашествіемъ варваровъ. Имѣйте въ виду— и это одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій исторіи—, что изъ всѣхъ государствъ Европы только здѣсь совершилась безъ внезапныхъ потрясеній, путемъ медленныхъ и нечувствительныхъ измѣненій та эволюція, которая привела отъ античнаго міра къ средневѣковымъ націямъ. Обратите вниманіе на то, что Византія поставила и попыталась разрѣшить нѣкоторые наиболѣе существенные вопросы въ жизни народовъ, напимѣръ, вопросъ объ отношеніи государства и церкви, центральной власти къ мѣстнымъ центробѣжнымъ силамъ, вопросъ о феодализмѣ, социальныя вопросы, вопросы, касающіеся правъ имущественныхъ и личныхъ; что она создала превосходную администрацію и финансовую систему; что она своимъ гражданскимъ и поземельнымъ законодательствомъ впервые установила принципы, которые получили преобладаніе на западѣ лишь гораздо позже. Не забывайте и того также, что въ стѣнахъ своей столицы она благоговѣнно поддерживала свѣточъ цивилизаціи. Въ то время, когда большіе города Европы въ громадномъ большинствѣ были не болѣе, какъ незначительными, скучными деревнями, Византія была царницей изящества. На ея рынкѣ, настоящемъ центрѣ цивилизованнаго міра, сосредоточивались и входили въ обмѣнъ произведенія всей вселенной. Изъ рукъ византійскихъ художниковъ выходило все, что только знали средніе вѣка самаго изящнаго въ области произведеній утонченной роскоши: шелковыя матеріи, пурпурныя ткани, украшенные шитьемъ, сверкающая золотомъ парча, драгоценныя бездѣлушки, сіяющія камнями и жемчугомъ, ларцы изъ слоновой кости съ тонкой скульптурой, рукописи съ превосходными миньютюрами, раки, покрытыя эмалью и золотомъ. На улицахъ, вѣчно наполненныхъ говорливой и шумной толпой, на площадяхъ, обрамленныхъ портиками и дворцами, видѣлись цѣлые ряды шедевровъ античной скульптуры, вывезенныхъ изъ Рима или Греціи. Въ храмахъ, поражающихъ своими куполами, среди изобилія порфира и мрамора, какъ золото сверкали мозаики; въ

Императорскомъ дворцѣ, по пространству равномъ цѣлому городу, длинный рядъ покоевъ поражалъ невиданной роскошью. Для того, чтобы украсить градъ Константина, Византійское искусство проявило силу своего творчества и создало новое сочетаніе изъ элементовъ восточной архитектуры, античнаго искусства и христіанскаго орнамента; для того, чтобы сохранить любовь къ просвѣщенію, около профессоровъ Константинопольскаго Университета и въ безчисленныхъ монастыряхъ столицы собрались тысячи ученыхъ, литераторовъ и переписчиковъ. Такимъ же образомъ и по отношенію ко всему свѣту Византія была великой наставницею: благодаря ей варварскіе народы Запада получили представленіе о болѣе утонченной, высокой жизни; ей обязанъ славянскій Востокъ своимъ рожденіемъ къ исторической жизни; даже арабы, не смотря на всѣ свои выдающіяся способности, не мало обязаны Византіи блескомъ Багдада и Кордовы. Не забудьте, что во всѣ средніе вѣка міръ мечталъ о Константинополѣ, какъ о какомъ то волшебномъ городѣ, озаренномъ сіяніемъ золота. О немъ мечтали среди холодныхъ тумановъ Норвегіи и на русскихъ рѣкахъ, по которымъ сѣверные удалцы спускались къ несравненному Царыграду, и въ замкахъ Запада, гдѣ труверы повѣствовали о чудесахъ императорскаго дворца, о бронзовыхъ мальчикахъ, играющихъ на трубѣ, о вращающейся залѣ, которую приводитъ въ движеніе морской прибой, или о блестящихъ карбункулахъ, освѣщающихъ ночью императорскіе покои; о ней мечтали и въ Венеціанскихъ банкахъ, высчитывая, что отъ одной своей столицы императоры ежегодно получали 8300000 червонцевъ дохода, что составляетъ на теперешній счетъ 550000000 франковъ. И когда, какъ результатъ всѣхъ этихъ причудливыхъ мечтаній и распаленной алчности, образовался четвертый крестовый походъ, то пожалуй, дѣйствительность превзошла самыя фантастическія мечты. „Итакъ, вы видите, говоритъ Вильгардуинъ, что Константинополь созерцали многіе, никогда ранѣе не видавшіе его. Они не могли повѣрить, чтобы гдѣ-либо въ этомъ мірѣ могъ существовать столь богатый городъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣли его прекрасныхъ стѣнъ и башенъ, которыми онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, пока не увидали роскошныхъ дворцовъ и столь многочисленныхъ храмовъ, что только созерцая ихъ своими глазами, можно повѣрить ихъ числу, равно какъ длину и ширину города, царицы всѣхъ другихъ“. Наконецъ, если принять во вниманіе, что Константинополь дѣйствительно, какъ это и говорили, былъ „средневѣковымъ Парижемъ“, то отсюда мы увидимъ, какъ несправедливо забывать или презирать цивилизацію, которая создала такія чудеса роскоши и искусства, изящества и блеска.

III.

Я указалъ вамъ нѣсколько моментовъ изъ забытой Византійской исторіи, но Византія имѣетъ значеніе не только благодаря тому, чѣмъ была она въ прошедшемъ, сколько благодаря тому, что уготовила она для будущаго.

Говоря, что Византійцы были „библіотекарями человѣческаго рода“, думаютъ, обыкновенно, будто этимъ заявленіемъ оказываютъ имъ весьма большую честь. Внѣ всякаго сомнѣнія, что благоговѣйно храня преданія и сокровища классической древности, они являются наставниками эпохи возрожденія; несомнѣнно также, что передавая новой Европѣ Юстиніановскія компіляціи, они заложили здѣсь основы писаннаго права. Заслуги эти имѣютъ весьма существенное значеніе, но онѣ не стоятъ одиноко. Какъ справедливо замѣчаетъ Рамбо, „Византія была для Востока и славянскаго Запада тѣмъ же, чѣмъ для западнаго и германскаго міра былъ Римъ“. Благодаря ей и ея вліянію родились къ исторической жизни народы, населяющіе теперь востокъ и юго-востокъ Европы. Она своими могучими руками сокрушила дикія племена славянъ, болгаръ, валаховъ, мадьяръ, печенѣговъ, хазаръ и извлекла на свѣтъ Божій Сербію и Болгарію, Кроатію и Черногорію, Румынію, Венгрію и современную Россію. Византія снабдила эти первобытные и варварскіе народы всѣми элементами существованія и ихъ будущаго величія: религіей, формами управленія, искусствомъ, литературою, промышленностью, торговлею, однимъ словомъ, всѣми благами цивилизаціи. Византійскіе проповѣдники, благодаря своей неутомимой и искусной проповѣди, распространили православіе на всемъ пространствѣ отъ глубины Арменіи до дебрей Россіи и отъ горъ Абиссиніи до Кавказскаго хребта; они же изобрѣли кириллицу и, благодаря переводу св. Писанія на языкъ новообращенныхъ народовъ, являются истинными творцами славянской литературы. Изъ сношенія съ Византіей великіе Русскіе князья усвоили идею государства и ознакомились съ лучшими формами администраціи. Подъ вліяніемъ византійскаго законодательства обновилось древнее славянское право и изъ византійской школы русское общество вынесло свое умственное и нравственное воспитаніе. Византійскія хроники, распространенныя по всему славянскому міру, впервые занесли понятіе исторіи въ среду этихъ юныхъ народовъ; народныя византійскія сказки ласкали ихъ воображеніе, а византійскіе памятники служили образцомъ въ ихъ первыхъ попыткахъ художественнаго творчества; и теперь еще отъ монастырей Грузіи до куполовъ св. Софіи въ Кіевѣ—вездѣ найдемъ эмали, мозаики и фрески,

воспоминаніе былой славы и вліянія Византіи. Даже тогда, когда Византія пала, ея вліяніе неизгладимымъ оставалось на тѣхъ, кого она впервые вызвала къ жизни. Кремль XVII вѣка неприкосновенно сохранялъ традиціи императорскаго дворца; и теперь еще, если мы захотимъ вызвать воспоминанія о пышномъ церемоніалѣ византійскаго двора или возстановить преданія абсолютнаго правленія, византійскаго церковнаго строя, искусной дипломатіи, уяснить себѣ до нѣкоторой степени идею цивилизаторской миссіи и великое дѣло ассимиляціи, которую нѣкогда имперія поставила по отношенію къ варварамъ, то намъ прійдется обратиться взоры къ С.-Петербургу. И современная Греція, хотя она охотнѣе вспоминаетъ славныя имена Мараѳона и Саламина, также вытекаетъ изъ Византіи и съ воспоминаніями о Византійской имперіи связаны горделивыя мечты и надежды эллинизма. Для греческаго и славянскаго Востока, наслѣдника Византіи, Константинополь вѣчно остается идеальной столицей, а святая Софія будущей митрополіей православія. Въ Аѳинахъ, точно такъ, какъ и въ С.-Петербургѣ, послѣдній Палеологъ, геройски погибшій на бреши своей взятой столицы, является совсѣмъ не отдаленнымъ призракомъ, завершающимъ далекій періодъ исторіи, какимъ онъ представляется намъ, а предкомъ, имя котораго живо въ народѣ, кровь котораго все еще вызываетъ объ отмищеніи и, главное, права котораго не могутъ быть уничтожены давностью времени.

Для всѣхъ притязаній, которыя стекаются къ Босфору, византійская исторія доставляетъ санкцію законности; благодаря этому обстоятельству византійская исторія, сама по себѣ, неоспоримо занимаетъ важное мѣсто среди реальныхъ фактовъ времени: въ ней заключается не малое количество тѣхъ господствующихъ идей, которыя, нерѣдко, даютъ перевѣсъ въ великихъ событіяхъ.

Это превосходно знаютъ на греко-славянскомъ Востокѣ, гдѣ, дѣйствительно, византійская исторія является вступительной главой исторіи національной. Знаютъ это въ университетахъ, гдѣ изученіе Византіи происходитъ съ поразительнымъ рвеніемъ, гдѣ, благодаря ряду открытій, книгъ, разысканій выдающіеся ученые, можно сказать, возродили исторію Византіи въ послѣдніе годы. Знаютъ это и въ народѣ, который благоговѣнно сохраняетъ и недавно еще чествовалъ память великихъ славянскихъ учителей—византійцевъ Кирилла и Меѳодія, которые 1000 лѣтъ тому назадъ доставили племени сознаніе его единства и ввели его въ среду цивилизованныхъ народовъ. Знаютъ это и въ канцеляріяхъ, гдѣ понимаютъ, что изученіе прошлаго является иногда средствомъ подготовки будущаго; не такъ давно еще русское прави-

тельство основало въ Константинополѣ Археологическій Институтъ, что является истиннымъ завоеваніемъ—въ области науки—древней столицы византійскихъ Цезарей.

IV.

У насъ, французовъ, есть другія основанія интересоваться византійской исторіей; хотя мы въ ней и не такъ заинтересованы, тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ и у насъ столь же серьезнаго изученія.

Два съ половиной вѣка тому назадъ во Франціи было положено основаніе наукъ византійской исторіи. Въ 1648 году изъ Королевской типографіи въ Луврѣ вышелъ первый томъ перваго собранія византійскихъ историковъ. Вскорѣ, благодаря дружной совмѣстной работѣ наиболѣе видныхъ филологовъ того времени, благодаря просвѣщенному содѣйствію Людовика XIV и Кольбера, выходя изъ года въ годъ, появились 34 тома in folio этой превосходной ученой коллекціи, которую одинъ современникъ вполне заслуженно назвалъ „несравненнымъ памятникомъ французской щедрости“.

Душою этого великаго предпріятія былъ, въ частности, одинъ человекъ, одинъ изъ наиболѣе могучихъ работниковъ, какими гордится наука. Историкъ и филологъ, археологъ, нумизматъ, равно выдающійся во всѣхъ областяхъ, какими занимался,—Дюканжъ положилъ основаніе научному изученію Византіи, и его труды, образцовые по точности критическихъ приемовъ и строгости метода, открыли широкіе горизонты въ темной области византійской исторіи.

Можно было бы думать, что послѣ такого человека Франція сохранила неоспоримое господство въ этой открытой ею области. Но въ XVIII вѣкѣ случилось иначе. Наиболѣе выдающіеся умы этого вѣка—Монтескье и Вольтеръ—лишь утвердили предразсудокъ, который еще со временъ среднихъ вѣковъ сталъ неразлученъ съ представленіемъ о Византіи или Bas-Empire. Лебо еще болѣе дискредитировалъ византійскую исторію: онъ ее потопилъ въ морѣ скуки, разлитой по всѣмъ его 30 томамъ, которые онъ посвятилъ изложенію византійской исторіи.

И только въ наше время, какихъ ни-будь 30 лѣтъ, какъ изученіе Византіи, созданное нами и продолженное другими, нашло во Франціи благосклонный пріемъ. Именно здѣсь, въ Сорбоннѣ, впервые обнаружилось это пробужденіе любознательности, которое привело насъ къ изученію греческой восточной имперіи, и изъ диссертаций, представленныхъ факультету, весьма многія и теперь сохраняютъ свою славу.

Таковъ трудъ Рамбо „Константинъ Багрянородный“¹⁾, не устарѣвшій не смотря на тридцатилѣтній возрастъ, таковы „Разысканія о христiанской скульптурѣ и живописи на востокѣ“ Байэ²⁾, предшествовавшія его превосходному сочиненію „Византійское искусство“³⁾, которое въ краткой, сжатой формѣ впервые показало могучее разнообразіе и творчество этого забытаго искусства.

Такимъ образомъ, изученіе византійской исторіи получило права гражданства въ ученое мiрѣ. Своими превосходными трудами о Никифорѣ Фокѣ и „Византійской эпопеей“—живымъ и яркимъ воспроизведеніемъ одной изъ наиболѣе славныхъ эпохъ Византійской имперіи, превосходно обставленнымъ изображеніями памятниковъ искусства и цивилизаціи, Шлюмберже сдѣлалъ забытое имя Византіи знакомымъ даже для людей непосвященныхъ. Такъ что теперь притягательная сила этого „таинственнаго и волшебнаго мiра“, какъ говорилъ Гюи-де-Мопассанъ, распространяется далеко за предѣлы тѣснаго круга ученыхъ. Благодаря Сарду на сценѣ на нашихъ глазахъ возрождаются драматическіе моменты Византійской исторіи въ „Теодорѣ“, феодальныя Аѳины въ „Гизмондѣ“; вокругъ имени Византіи, впрочемъ легендарнаго, Массене соткалъ чудныя мелодіи „Эсклармонды“. Византійскій романъ благодаря Ж. Ломбарду, Гуго-ле-Ру и Поль Адаму вступилъ въ литературу. Даже въ самой литературѣ имя Византіи начинаетъ примѣняться и не въ смыслѣ порицанія. Скоро, дастъ Богъ, если это угодно будетъ Сарду и Сарѣ Бернарѣ, Византія совсѣмъ войдетъ въ моду: любознательность талантливаго писателя, талантъ даровитой артистки, пожалуй, болѣе сдѣлаютъ для реабилитаціи среди насъ восточной греческой имперіи, чѣмъ всѣ ученыя книжки.

Обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ теперь возобновленію прерванной традиціи нашихъ великихъ ученыхъ XVIII столѣтія, благопріятствуютъ продолженію терпѣливой и трудолюбивой разработки византійской исторіи, которая теперь совершается во Франціи, въ Россіи и Германіи. На этомъ широкомъ полѣ изслѣдованія хватитъ работы для всѣхъ желающихъ. На ряду съ историками и лѣтописцами, излагающими политическую и религіозную исторію, бібліотеки и архивы ежедневно возвращаютъ намъ данныя еще болѣе интересной исторіи, пока еще едва намѣченной, исторіи учреждений, экономической и соціальной эволюціи, исторіи цивилизаціи. Даже въ области политической

---

¹⁾ A. Rambaud, Constantin Porphyrogénète.

²⁾ Bayet, Recherches sur la sculpture et la peinture chretiennes en Orient.

³⁾ Bayet, L'Art byzantin (существуетъ русскій переводъ).

исторіи рядомъ съ немногими разработанными и ярко освѣщенными періодами, сколько найдется отдѣловъ неизслѣдованныхъ, покрытыхъ мракомъ; наконецъ, какъ слабо еще установлены руководящія идеи, которыя опредѣляли ходъ этой исторіи. Даже въ нашей Національной Библіотекѣ масса драгоцѣнныхъ манускриптовъ ждутъ издателя; да и среди уже изданныхъ текстовъ весьма многіе требуютъ настоящаго критическаго изданія. Въ той же библіотекѣ есть множество собраній почти неизвѣстныхъ, превосходныхъ миньютуръ, которыя представляютъ для историка искусства обширное поле радостныхъ открытій. Для палеографа, филолога, юриста, историка Византія, столь мало изслѣдованная, доставляетъ обширный матеріалъ для интересныхъ розысканій и открытій. Это можетъ найти себѣ подтвержденіе на примѣрѣ Мюнхена, гдѣ благодаря инициативѣ выдающагося ученаго—профессора Крумбахера—сосредоточилось въ послѣдніе 7 лѣтъ около кафедры византиновѣдѣнія и „Византійскаго Временника“ широкое и плодотворное научное движеніе. Нельзя не пожелать, чтобы и на родинѣ Дюканжа въ этой области вдвойнѣ нашей, потому что мы ее начали первыми и не послѣдними снова за нее принялись, чтобы мы сумѣли благодаря качествамъ, которыя въ нашей власти,—строгости метода, отчетливому и ясному построенію, живости и яркости изложенія—вновь приобрѣсть нѣкоторую долю того руководящаго положенія, которое намъ нѣкогда принадлежало.

83713

2.

ВИЗАНТІЙСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

ВНАВНІТНІКІРІ АРПЕЖДЕНІР

Ш. Диль.

Византійскія учрежденія.

Переводъ съ франц. студ. Г. Васькова.

Изученіе византійскихъ учреждений и вообще вопросовъ, касающихся внутренней исторіи Византіи, до сихъ поръ никогда еще не было предпринято съ достаточной научностью. И дѣйствительно, въ дѣлѣ изученія византійской исторіи наиболѣе трудной представляется задача точнаго изображенія правительственной организаци и административнаго устройства имперіи. Поэтому мы ограничимся здѣсь наиболѣе общимъ рѣшеніемъ задачи, послѣдовательно опредѣляя предѣлы императорской власти и ея характеръ, роль центрального правительства, основы провинціального управленія, установленія финансовыя, судебныя и военныя. Мы не будемъ углубляться въ подробности изъ опасенія, при современномъ состояніи нашихъ знаній, исказить истинное положеніе вещей.

Византійскій императоръ.

Глава Византійскаго государства, носившій первоначально, какъ и римскіе цезари, титулъ императора, постепенно, по мѣрѣ эллинизаци монархіи, усвоилъ имя василевса, какъ его обыкновенно и называютъ. Власть его, какъ это было уже справедливо отмѣчено ¹⁾, проистекала изъ четырехъ источниковъ. Въ качествѣ законнаго преемника и прямого наслѣдника римскихъ императоровъ онъ былъ *imperator*, т. е. одновременно глава войска и законодатель, живое воплощеніе закона. Благодаря перенесенію столицы государства на востокъ онъ сдѣлался *βασιλεύς*, т. е. главою эллинизма. Вслѣдствіе сношеній съ азіатскими монархіями и подъ ихъ растущимъ вліяніемъ, онъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ: онъ былъ владыкою—*δεσπότης*, самодержцемъ (*αὐτοκράτωρ*). Наконецъ, христіанство наложило на него еще одну черту: онъ былъ намѣстникомъ Бога, верховнымъ главою религіи, *ἰσαπόστολος*, какъ называли его, т. е. равноапостольнымъ. Этими разнообразными титулами точно опредѣляется характеръ его власти—деспотической,

¹⁾ Rambaud, Empereurs et impératrices d'Orient (Revue des Deux Mondes, 1891, t. 1-er, p. 149).

ничѣмъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, не ограниченной, не только утверждаемой политическимъ и гражданскимъ избраніемъ, но и украшенной особымъ престижемъ благодаря освященію ея Богомъ и церковью.

Императорская власть давала неограниченное право распоряженія жизнью и имуществомъ подданныхъ, была равно неограниченна какъ въ области политики, такъ и въ области религіи. Императоръ устанавливалъ и отмѣнялъ законы, обнародывалъ или отмѣнялъ догматическія, постановленія; онъ же имѣлъ вліяніе на нравы и даже моды. „Гражданское право“, писалъ Левъ VI, „преобразовано и отнынѣ все зависитъ отъ попеченія и распоряженія императорскаго величества“. Чтобы возвысить эту абсолютную власть все было тщательно разсчитано: фразеология оффиціального языка, который присоединялъ названіе „священный“ ко всему, что имѣло отношеніе къ государю, и къ его имени присоединялъ самыя пышныя названія; тому же служила общая постановка церемоніала, который въ „Богомъ хранимомъ дворцѣ“ опредѣлялъ всѣ проявленія жизни, устанавливалъ каждую безчисленную перемѣну въ одѣянніи императора. Въ началѣ VI вѣка Юстиніанъ окончательно установилъ, со своею неустанной заботливостью объ упроченіи почтенія къ императорскому величеству, весь этотъ пышный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько наивный этикетъ. Для того, чтобы оцѣнить всю его сложность, необходимо прочесть относящееся къ X вѣку сочиненіе императора Константина Багрянороднаго „De cerimoniis aulae Byzantinae“ и описанія жизни императора, сплошь состоящей изъ представительства—поистинѣ жреческой—, протекающей среди кантиковъ, процессій, ритмическихъ возгласовъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что недостатокъ средствъ иногда ясно обнаруживался и на церемоніалѣ и что наиболѣе энергичныя византійскіе императоры умѣли избавиться отъ тягостнаго церемоніала. И тѣмъ не менѣе, въ Византіи, въ общемъ, гражданскій характеръ власти имѣлъ тенденцію къ преобладанію надъ военнымъ. Съ другой стороны, на императорской власти лежитъ значительный религіозный отпечатокъ. Василевсъ является на землѣ представителемъ и намѣстникомъ Бога—онъ одновременно императоръ и священникъ. Какъ избранникъ Божій, получившій изъ рукъ патріарха священное помазаніе, утверждающее законность его власти, онъ править во имя Христа, имя и изображеніе Котораго стоитъ на монетахъ рядомъ съ именемъ и изображеніемъ императора; онъ править во имя Христа, вдохновляющаго и руководящаго имъ, онъ одерживаетъ побѣды благодаря Христу. Военскій крикъ легіоновъ—„Иисусъ Христосъ побѣждаетъ“ (*Ἰησοῦς Χριστὸς νικᾷ*); обычная формула имени государя—такой-то (имя) вѣрный во Христѣ императоръ (*πιστὸς ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ βασιλεύς*). Въ церкви

опъ такой же владыка, какъ и въ государствѣ и такъ какъ имперія не что иное, какъ земное отображеніе небеснаго града, то онъ и заявляетъ притязаніе на власть надъ всею вселенною (*οἰκουμένη*), которою ему надлежитъ править и обращать въ православіе. Наконецъ, онъ постоянно соприкасался съ духовенствомъ и, какъ извѣстно, въ его глазахъ богословскіе вопросы имѣли значеніе наиболѣе важныхъ политическихъ проблемъ.

Эта деспотическая, священная власть имѣетъ, однако, и свои слабыя стороны и свои предѣлы. Точно также какъ и императорскій Римъ, Византія, по меньшей мѣрѣ до конца IX вѣка, не знала прочно установленнаго закона о престолонаслѣдіи. Всякій могъ надѣяться достигнуть сана императора и разные гадатели и составители гороскоповъ нерѣдко разжигали своими предсказаніями такого рода честолюбивыя притязанія. И въ то время, какъ въ теоріи престола можно было достигнуть только благодаря избранію сената и народа или по рожденію, усыновленію, или соправительству, на дѣлѣ очень часто достигали императорскаго сана путемъ грубой узурпаціи, поддержанной народнымъ мятежемъ или военнымъ заговоромъ. Съ 395 до 1453 г. изъ 107 византійскихъ императоровъ только 34 скончались естественною смертію, 8 погибли на войнѣ, или отъ несчастной случайности, остальные отреклись отъ престола, или погибли насильственной смертію вслѣдствіе 65 военныхъ и дворцовыхъ переворотовъ. Тѣмъ не менѣе, съ IX вѣка наблюдается очевидный прогрессъ идеи наслѣдованія по закону, что можно видѣть изъ исторіи македонской династіи, которая продержалась среди всевозможныхъ неурядицъ болѣе полутора столѣтій, и дома Комненовъ, который безъ переворотовъ правилъ болѣе столѣтій.

Эта власть неопредѣленнаго происхожденія была въ значительной степени ограничена учрежденіями, нравами, наконецъ, общественнымъ мнѣніемъ. Какъ и въ языческомъ Римѣ, рядомъ съ императоромъ стоитъ сенатъ и народъ и, сверхъ того, что составляетъ отличіе христіанской Византіи,—церковь. До конца имперіи сенатъ, утрачивая постепенно свои древнія привилегіи, продолжалъ существовать подъ названіемъ *βύγκλητος βουλή*, подъ предсѣдательствомъ проэдра (*πρόεδρος*), въ качествѣ одного изъ существенныхъ органовъ государственнаго строя. Онъ производитъ судъ въ важныхъ политическихъ процессахъ, утверждаетъ избраніе императоровъ, обнаруживаетъ свое вліяніе, не безразличное для государей, въ области политическихъ и религіозныхъ вопросовъ ¹⁾; наконецъ, онъ является цвѣтомъ и средоточіемъ византійской

¹⁾ Lécrivain, Le Sénat romain depuis Dioclétien (Paris, 1888).

аристократіи, этой служилой знати, которая, по примѣру Рима IV вѣка, продолжаетъ носить названіе сенаторскаго сословія (*βουλευτικοί*) и которая, будучи расположена по чинамъ (*patricii, proconsules, protospatharii, spatharii, spatharii-candidati, candidati*) въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ, доставляла императорамъ чиновниковъ и умѣла въ полученныхъ отъ него должностяхъ найти средство оппозиціи ему же. Народъ представляетъ другую силу, съ которой надобно было считаться. Его надобно было накормить, развлечь его празднествами, отвести ему узаконенное мѣсто въ гипподромѣ, во всѣхъ церемоніяхъ въ городѣ и во дворцѣ. Партіи цирка—Зеленые и Синіе, со своими демархами во главѣ,—являлись официально признаваемыми государствомъ корпораціями. До IX вѣка, когда онѣ были приручены и обузданы, онѣ нерѣдко производили въ Византіи смуту. Постоянно необходимо было посредствомъ разныхъ любезностей, народныхъ праздниковъ, триумфовъ удовлетворять и развлекать это народное чудовище. Когда василевсъ садился на лошадь, чтобы выѣхать изъ дворца, начинали бить въ барабаны, говоритъ одинъ историкъ, играть на духовыхъ инструментахъ, дабы извѣстить народъ о томъ, что онъ можетъ представить императору свои просьбы. Наконецъ, около патріарха и св. синода группировалось духовенство, оказывавшее нерѣдко сопротивление императору. Византіи была знакома ожесточенная борьба между главою церкви и главою государства и у нея, какъ на Западѣ, была своего рода борьба за инвеституру.

Центральное управленіе.

Вокругъ особы императора во дворцѣ и въ столицѣ сосредоточиваются цѣлыя толпы придворныхъ чиновниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ. Въ своей пышной резиденціи въ большомъ дворцѣ, затѣмъ въ Буколеонѣ или во Влахернскомъ дворцѣ императоръ жилъ среди пышнаго двора, отображеніе котораго сохранилось въ книгѣ *De cerimoniis* или въ трактатѣ *De officiis*, приписываемомъ Козиму. Здѣсь мы встрѣчаемъ членовъ императорской фамиліи съ титуломъ куропалата, позже кесаря и деспота, или же чинъ нобиллссима, севаста, протосеваста, севастократора и т. д. Здѣсь же видимъ безчисленныхъ носителей придворныхъ должностей—спальниковъ (*cubiculum sacrum*), хранителей одѣяній, постельничихъ (*cubicularii, vestiarii, κοιτωνίται*), личныхъ секретарей императора (*chartularii, a secretis*), смотрителей императорскихъ конюшенъ (*stratores*), во главѣ которыхъ стояли сначала куропалаты (*κουροπαλάτης*); позже прѣпозитъ и паракимомень. Затѣмъ—

штатъ императрицы съ ея кубикуляріями и придворными дамами (*patriciae, αἱ ζῳβταί*). Сюда же надо присоединить тѣлохранителей, domestikовъ, схоляріевъ, экскубиторовъ, спааріевъ, которые въ X вѣкѣ образовывали 4 полка (*excubitores, hikanates, numeri, scholarii*), и иностранныя войска или этеріи, которыми начальствовалъ великій этеріархъ и знаменитый отрядъ варяговъ или варанговъ, скандинавовъ или англо-саксонцевъ. Весь этотъ чрезвычайно многочисленный штатъ былъ распределенъ съ строгимъ соблюденіемъ іерархіи, постепенно совершенствовавшейся и замѣнявшей устарѣлыя титулы новыми, болѣе громкими названіями. Въ ней занимали видное мѣсто евнухи, особенно на близкихъ къ особѣ императора постахъ, и наиболѣе высокіе сановники изъ ихъ числа, вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній съ василевсомъ; нерѣдко пріобрѣтали значительное вліяніе на управленіе.

Еще большимъ значеніемъ обладали высшіе представители администраціи. Византійская имперія, хотя официально и продолжала называться Римскою, не обладала ни единствомъ расы, ни единствомъ языка. Какъ было уже указано, она являлась „искусственнымъ созданіемъ, управлявшимъ двадцатью различными народностями и объединявшимъ ихъ по формулѣ—единый повелитель и единая вѣра“ ¹⁾. Въ качествѣ наиболѣе могучаго начала, поддерживающаго это космополитическое учрежденіе, являлось православіе. Другимъ средствомъ объединенія была превосходно организованная администрація, опиравшаяся на учрежденія и на удачно подобранный и превосходно дисциплинированный классъ чиновничества.

Въ VI вѣкѣ высшіе представители администраціи, министры, если ихъ можно такъ назвать, носили тѣ же названія, что и въ собственно римскую эпоху. Это были: *praefectus praetorio Orientis*, являвшійся настоящимъ первымъ министромъ, *praefectus urbi*, управлявшій дѣлами столицы, *magister officiorum*, министръ двора и начальникъ императорской канцеляріи, *quaestor palatii*, министръ юстиціи, *comes sacrorum largitionum*, министръ финансовъ, *comes rerum privatarum*, *comes patrimonii*, завѣдывавшіе частными имуществами императора и три *magistri militiae* т. н. *praesentales*, стоявшіе во главѣ арміи. По мѣрѣ того, какъ имперія эллинизировалась, названія этихъ верховныхъ сановниковъ приняли чисто греческія формы. Извѣстное число ихъ получило титулъ логоетовъ; это были: логоетъ дрома, (*λογοθέτης τοῦ δρόμου*), первоначально вѣдавшій почту, а позже всю провинціальную администрацію, и сдѣлавшійся впослѣдствіи великимъ ло-

¹⁾ Labarte, Le Palais impérial de Constantinople (Paris, 1862).

гоетомъ, канцлеромъ имперіи, министромъ полиціи и внутреннихъ дѣлъ и государственнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ; логоетъ *τοῦ γενικοῦ*, завѣдывавшій финансами; логоетъ *τοῦ στρατιωτικοῦ*, завѣдывавшій военнымъ фондомъ, логоетъ *τῶν οἰκειακῶν*, управлявшій имуществомъ государя. На ряду съ этими важными сановниками надо поставить *σακελλάριος*, или великаго хартулярія *τῆς σακέλλης*, министра финансовъ, продолжавшаго еще существовать квестора, великаго domestica, верховнаго начальника арміи, и великаго друнгарія, начальника флота. Praefectus praetorio исчезъ уже съ VII столѣтія; въ столицѣ продолжалъ существовать епархъ. Подъ начальствомъ этихъ должностныхъ лицъ существуютъ безчисленныя канцеляріи, называвшіяся въ VI вѣкѣ *scrinia*, позже *λογοθεσία* или *σεκρέτα*. Въ каждой изъ нихъ работала масса *σεκρετικοί*, носившихъ названіе а *secretis*, *χαρτουλάριοι*, *νοτάριοι* и т. д. такой-то канцеляріи. Въ Византіи во всякомъ административномъ чинѣ соединялось наименованіе должности и титулъ соотвѣтственно его положенію при дворѣ въ качествѣ военнаго или гражданскаго сановника; всякій чиновникъ былъ, такимъ образомъ, облеченъ титуломъ магистра, патриція, проконсула, кубикулярія, вестіарія и т. д. и занималъ соотвѣтствующее положеніе въ іерархіи служилой имперской знати; благодаря тому, что среди этихъ титуловъ было установлено строгое соподчиненіе, получалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и распредѣленіе чиновничества. Для того, чтобы понять византійскіе титулы и административный механизмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всякій чиновникъ носить двойное названіе: однимъ опредѣляется его придворное положеніе и мѣсто въ іерархіи, другимъ обозначаются его дѣйствительныя обязанности, опредѣляющія должность, которую онъ занимаетъ. Такимъ образомъ эта служилая знать, неустанно стремясь изо всѣхъ силъ къ повышенію, образуетъ превосходно организованный корпусъ дисциплинированнаго и усерднаго чиновничества ¹⁾.

Областное управленіе.

Наслѣдница римской имперіи, имперія византійская сначала сохраняла въ областномъ управленіи формы, завѣщанныя традиціей; оставались двѣ *praefecturae praetorio* (Востокъ и Иллирикъ), раздѣленные на діоцезы, управляемыя викаріями, ниже—епархіи подъ управле-

¹⁾ Подробныя указанія можно найти у Schlumberger, *Sigilographie de l'empire byzantin* (Paris, 1884).

ніемъ *consulares* и *praesides*. Юстиніанъ даже возстановилъ этотъ чисто гражданскій строй въ возвращенной Африкѣ и Италіи. Но съ VI столѣтія въ нѣкоторыхъ округахъ оказалось полезнымъ соединить гражданскую и военную власть. Вскорѣ внѣшнія опасности, грозившія имперіи, побудили послѣдовательно осуществить приведеніе, если можно такъ сказать, на военное положеніе большого числа провинцій и заставили вручить военнымъ начальникамъ — *magistri militum* — гражданское управленіе болѣе обширныхъ территорій. Желаніе отразить нападеніе мавровъ и лонгобардовъ привело на западѣ къ учрежденію экзархатовъ въ Африкѣ и Италіи; нападенія персовъ, арабовъ и славянъ вскорѣ привели къ тѣмъ же результатамъ и на востокѣ. Новое военное подраздѣленіе получило названіе *ѳемъ*, что первоначально обозначало военный отрядъ, а потомъ и провинцію, служившую мѣстомъ его расположенія. Къ VIII вѣку эта система распространилась и упорядочилась. Въ X вѣкѣ въ имперіи было 29 *ѳемъ*, раздѣленныхъ на два главноуправленія при *λογοθέσιον τοῦ δρόμου*, восточное и западное ¹⁾. По временамъ число *ѳемъ* измѣнялось, но до конца имперіи продолжалъ существовать принципъ соединенія въ однѣхъ рукахъ полномочій военныхъ, гражданскихъ и финансовыхъ. Въ каждой *ѳемѣ* во главѣ управленія стоялъ стратигъ, непременно въ званіи патриція, назначаемый непосредственно императоромъ и такъ же непосредственно съ нимъ сносившійся; *ѳемы* подраздѣлялись на „турмы“, управляемыя турмархами, далѣе, на *τοποτηρησία* — намѣстничества и на „банды“. При стратигѣ, кромѣ того, состояли различные чиновники — domestikъ *ѳемы*, бывшій начальникомъ его штаба, хартуларій *ѳемы*, завѣдывавшій интендантскою частью и финансовою администраціей войска, затѣмъ — протонотарій *ѳемы*, стоявшій во главѣ, главнымъ образомъ, гражданскаго управленія и бывшій, не смотря на подчиненіе стратигу, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ императоромъ. Нося титулъ *κρίτης* *ѳемы* и соединяя въ своемъ лицѣ съ административной должностью полномочія судьи, онъ являлся передъ всевластнымъ стратигомъ представителемъ важныхъ гражданскихъ интересовъ населенія ²⁾. Въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи та же самая система была проведена подъ другими названіями. Во главѣ округовъ стояли то катепаны, то дуки, то проноэты; небольшіе укрѣпленные пункты въ пограничныхъ мѣстахъ образовывали т. н.

¹⁾ См. прекрасную работу Н. Gelzer, *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung* (Leipzig, 1899).

²⁾ Подробности относительно управленія *ѳемъ* можно найти у Rambaud, *L'Empire grec au X-e siècle* (Paris, 1870).

„клицуры“ (*κλεισοῦρα*), но принципъ оставался все тотъ же—соединеніе въ рукахъ военачальника всѣхъ административныхъ полномочій. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что среди правителей, носившихъ даже одинаковое званіе, существовало іерархическое различіе; въ глазахъ византійцевъ большія восточныя еемы занимали первое мѣсто. И дѣйствительно, въ Азіатскихъ провинціяхъ, по крайней мѣрѣ до XII столѣтія, былъ источникъ силъ и энергіи имперіи.

Установленія судебныя, финансовыя и военныя.

1. **Судебная организація.** Организація суда въ Византіи въ послѣ-Юстиніановскій періодъ представляется довольно сложной и темной и нелегко разобрать среди множества свѣтскихъ и церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ трибуналовъ, засѣдающихъ частью въ столицѣ, частью въ областяхъ и притомъ съ чрезвычайно трудно опредѣлимой компетенціей. Мы ограничимся указаніемъ существенныхъ чертъ этой системы.

Въ силу своей неограниченной власти императоръ является также и верховнымъ судьей. По важнѣйшимъ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, онъ самъ вершитъ судъ въ качествѣ первой инстанціи, по остальнымъ дѣламъ въ качествѣ инстанціи, принимающей апелляціи. При немъ находится верховный совѣтъ, въ VI вѣкѣ подъ именемъ *consistorium*, позже—*βασιλικὸν δικαστήριον*, состоящій изъ настоящихъ судей и высшихъ имперскихъ чиновъ. Въ немъ предсѣдательствуетъ императоръ, а въ его отсутствіе предсѣдательство принадлежитъ градоначальнику—эпарху, а съ XI вѣка — друнгарию тѣлохранителей (*ὁ δρουγγάριος τῆς Βίγλης*). Свою судебную власть императоръ часто передаетъ и другому трибуналу. Такимъ образомъ Юстиніанъ установилъ 12 императорскихъ судей (*θεῖοι δικασταί*), получившихъ позже названіе судей виллы и ипподрома (*κριτῆς ἐπὶ τοῦ Βήλου καὶ Ἰπποδρόμου*).

Юрисдикція по дѣламъ столицы принадлежала эпарху, который соединялъ въ себѣ полномочія *praefectus urbi*, *praefectus praetorio* и квестора, замѣнившаго установленнаго Юстиніаномъ для полицейскаго управленія столицы *quaesitor'a*. Всѣ эти магистраты имѣли при себѣ ассессоровъ, штатъ приписанныхъ къ ихъ трибуналу адвокатовъ. Но такъ какъ придворныя обязанности совершенно поглощали ихъ, то роль ихъ перешла къ судебнымъ учрежденіямъ низшаго разряда. Такимъ образомъ выступаютъ со своими трибуналами *praetores populi*, установленные Юстиніаномъ, параеаласситы по вопросамъ морского суда, *iudices regionum*—областные судьи и т. д. Въ XI вѣкѣ въ этой организаціи

произошли весьма существенныя, но мало извѣстныя измѣненія. Наконецъ, въ провинціяхъ до VII вѣка судопроизводство какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ производили гражданскіе правители и назначаемые ими судьи. Въ городахъ дѣла меньшей важности разбирались дефензорами; внѣ ихъ компетенціи, естественно, оставались всѣ дѣла исключительныя по положенію тяжущихся; такія дѣла—весьма многочисленныя—разбирались военнымъ или церковнымъ судомъ. Военная организація провинціального управленія видоизмѣнила эту систему—съ этого времени юрисдикція принадлежитъ судьямъ; судебная компетенція муниципій почти совершенно исчезаетъ и переходитъ въ вѣдѣніе высшаго начальства (*κατελάτω*). Слѣдуетъ, все-таки, отмѣтить постоянную заботливость правительства о солидной юридической подготовкѣ штата образованныхъ и знающихъ магистратовъ. Юстиніанъ прилагалъ всѣ усилія для развитія высшихъ юридическихъ школъ въ Константинополѣ, Римѣ и Бейрутѣ. Съ тою же цѣлью въ 1045 году Константинъ Мономахъ преобразовалъ училище правовѣдѣнія въ столицѣ и обратилъ его въ учрежденіе, специально подготовляющее гражданскихъ чиновниковъ¹⁾.

2. **Финансовая организація** въ Византіи, устроенная по образцу римской организаціи, извѣстна намъ еще въ меньшей степени, чѣмъ судебныя установленія. На ряду съ подушною податью (*καπιχόν*), падашею на лицъ, не имѣвшихъ недвижимой собственности, за исключеніемъ черни въ столицѣ и большихъ городахъ, важнымъ источникомъ средствъ была поземельная подать. Она уплачивалась соотвѣтственно доходности извѣстныхъ земельныхъ единицъ (*jugum, millena, centuria*) и требовала для опредѣленія внимательной описи и оцѣнки. Падала она на земельную собственность, но не на постройки, которыя, вѣроятно, подлежали особой подати (*ἀερισχόν*). Уже сама по себѣ эта подать была тяжела, но она становилась еще болѣе обременительной въ виду т. н. *ἐπιβολή*, т. е. приписки къ обработаннымъ и плодороднымъ землямъ необработанныхъ покинутыхъ участковъ: благодаря круговой порукѣ кадастровыхъ и податныхъ единицъ этимъ путемъ обезпечивалась уплата повинностей съ такихъ участковъ. На ряду съ денежными податями существовали и установленныя натуральныя повинности подъ названіемъ *annona*. Наконецъ, были и чрезвычайныя повинности, напримѣръ, *praestatio tironum*, барщина и проч. и такъ называемыя *munera*

---

¹⁾ См. Zachariae de Lingenthal, Geschichte des griechisch-röm. Rechts (3-е изд. 1892 г.).

sordida, какъ содержаніе мостовъ, дорожная повинность и т. д. Эти повинности не распространялись равномерно на всѣ классы общества: военныя помѣстья были освобождены отъ всякаго налога, имущества церкви не подвергались ни *ἐπιβολή*, ни чрезвычайнымъ налогамъ, ни *munera sordida*. Благодаря же тому, что крупные землевладѣльцы часто находили средство избавиться отъ налоговъ, вся ихъ тяжесть ложилась на мелкихъ плательщиковъ. Взиманіе податей производилось очень сурово и возбуждало большое недовольство; недоимки, которыя императорамъ приходилось нерѣдко прощать — значительны и, не смотря на крайнюю нищету населенія, разореннаго податями, казначейство часто было сильно обременено долгами.

Съ теченіемъ времени были введены нѣкоторыя измѣненія: съ X вѣка исчезаетъ *capitatio* (*καπιτάσιον*); поземельная подать распространяется и на постройки; *аннона* исчезаетъ съ XI столѣтія и замѣняется денежными взносами; обременительная *ἐπιβολή* сначала была отмѣнена вовсе, а потомъ восстановлена въ формѣ „алленгій“ (*ἀλλελέγγιον*), которая обязывала богатыхъ платить за бѣдныхъ недоимщиковъ и тяжело падала на крупное властельское и церковное землевладѣніе. Но все-таки поземельная подать оставалась основой и существеннымъ элементомъ системы. На ряду съ прямыми налогами, таможенными сборами, промысловыми налогами, сборами съ патентовъ богатымъ источникомъ доходовъ служили также монополіи. Съ одного только Константинополя въ XI вѣкѣ, какъ это можно вычислить, императоры извлекали ежегодно болѣе 8.300.000 золотыхъ (болѣе 550 мил. франковъ на теперешнія деньги). Общая сумма доходовъ имперіи въ то же время простиралась до 650 мил. золотыхъ, что составило бы теперь болѣе 3 миллиардовъ франковъ. Послѣ Василия II въ казначействѣ былъ остатокъ въ 220 мил. золотыхъ (болѣе миллиарда франковъ). Отсюда видно, что, не смотря на тяжелый расходъ на военныя предпріятія, постройки и т. д., средства имперіи были громадны и финансовое управленіе, не смотря на кажущуюся грубость хорошо организовано.

3. Армія и флотъ. Какъ не существовало византійской національности въ собственномъ смыслѣ, такъ не существовало и византійской національной арміи. Правда, василевсы набирали военныя силы частью и изъ среды непосредственныхъ подданныхъ имперіи, главнымъ образомъ, крестьянъ азіатскихъ провинцій; уже очень рано, въ цѣляхъ обезпеченія правильнаго набора, владѣніе опредѣленными участками земли было соединено съ обязательствомъ военной службы и были уста-

новлены особые воинскіе участки ¹⁾. Но нерѣдко императоры отдавали эти участки въ пользованіе воинамъ, совсѣмъ не принадлежавшимъ къ греческой расѣ; большинство принадлежало къ числу искателей приключеній самаго разнообразнаго происхожденія—армянамъ, славянамъ, арабамъ и т. д. Кромѣ того, самое ядро арміи составляли наемники: въ VI вѣкѣ здѣсь встрѣчаемъ гунновъ, геруловъ, лонгобардовъ, готовъ, вандаловъ, армянъ, персовъ и т. д., въ X и XI вѣкѣ—русь, хазаръ, венгровъ, славянъ, скандинавовъ, англо-саксовъ, норманновъ, арабовъ; позже найдемъ наемниковъ изъ нѣмцевъ, итальянцевъ, каталонцевъ, французовъ. Подъ начальствомъ своихъ полководцевъ, тоже въ большинствѣ иностранцевъ, эти войска, какъ показываетъ военная исторія имперіи, умѣли сражаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дисциплины у нихъ не хватало: всѣ они полагали, что война должна ихъ кормить, и потому на мѣста, по которымъ проходили, они смотрѣли какъ на завоеванныя страны. Затѣмъ, благодаря чрезвычайной преданности своему предводителю, они никогда не отказывались поддержать его въ возмущеніи или помочь его попыткѣ произвести переворотъ.

За исключеніемъ отрядовъ гвардіи, расположенныхъ, главнымъ образомъ, въ самомъ Константинополѣ, византійскія войска были организованы по ѳемамъ, находившимся подъ управленіемъ стратига и подраздѣлявшимся на турмы и банды ²⁾. Верховнымъ начальникомъ арміи былъ великій доместикъ (*ὁ μέγας δομέστικος*); въ военное время арміи были подъ начальствомъ двухъ доместиковъ восточныхъ и западныхъ школъ (*δομέστικοι τῶν σχολῶν τῆς Ανατολῆς καὶ τῆς Δύσεως*). Иногда, въ важныхъ случаяхъ, во главѣ войскъ становился императоръ. Въ составѣ арміи уже рано кавалерія получаетъ первенствующее мѣсто и на службу на лошади смотрятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на службу въ пѣхотѣ. Конные отряды состояли изъ тяжелой кавалеріи—катафракторіи и легкой, отрядовъ развѣдчиковъ—трапедзитовъ. Для защиты границъ были организованы пограничные округа, въ которыхъ уже Юстиніанъ распредѣлилъ своихъ *milites limitanei*, и гдѣ позже находимъ *castra*, укрѣпленные лагери съ милиціей акритовъ. Въ слѣдующей линіи были расположены большіе концентраціонные лагери; сѣтъ военныхъ дорогъ устанавливала быстрое сообщеніе центра имперіи съ областями. Спо-

¹⁾ Rambaud, L' Empire grec au X-e siècle.

²⁾ Ѳема состояла изъ 10 тыс. человекъ; она раздѣлялась на 2 турмы или бригады, которыя, въ свою очередь, дѣлились каждая на 5 бандъ, подъ начальствомъ дронгарія; банда подраздѣлялась на 5 пентархій, каждая подъ начальствомъ *comites*. См. Gelzer, Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung (Leipzig, 1899) стр. 114.

собъ веденія войны опредѣлялся весьма искусными тактическими правилами, выработанными благодаря такимъ императорамъ, какъ Маврикій, Левъ VI, Никифоръ Фока. Военныя средства имперіи еще болѣе усиливались превосходными осадными машинами, которыя сохранялись въ главномъ арсеналѣ, и высокимъ развитіемъ фортификаціонной техники.

Византійская армія, численность которой однимъ историкомъ опредѣляется въ IX вѣкѣ въ 120.000 человекъ (можетъ быть здѣсь и допущено нѣкоторое преувеличеніе), и военный классъ, выставившій не мало видныхъ полководцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли императорской короны, является, особенно въ азіатскихъ ѡемахъ, благодаря своей численности и привилегіямъ, однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ элементовъ имперіи ¹⁾.

Византійскій флотъ въ VII вѣкѣ спасъ имперію отъ арабовъ, затѣмъ въ слѣдующія два столѣтія онъ пришелъ въ упадокъ и только въ X вѣкѣ былъ преобразованъ и до XII столѣтія, когда выступаютъ венеціанцы, онъ былъ господствующею, если не единственною, силою на Средиземномъ морѣ. Точно такъ же какъ и для арміи, флотскіе экипажи частью набирались изъ среды населенія приморскихъ ѡемъ Малой Азіи, частью пополнялись наемниками. Подъ общимъ начальствомъ великаго друнгарія онъ подраздѣлялся на государственный и областной флотъ и въ общемъ могъ выставить до 180 дромоновъ. Его дѣлалъ особенно страшнымъ такъ называемый греческій огонь, изобрѣтенный въ VII вѣкѣ, который выбрасывали въ особыхъ трубкахъ, и секретъ приготовленія котораго считался государственной тайной. Завоеваніе Малой Азіи турками, лишивъ имперію ея наиболѣе храбраго приморскаго населенія, погубило византійскій флотъ ²⁾.

4. **Дипломатія.** Для того, чтобы вести переговоры съ врагами имперіи, вносить въ ихъ среду рознь, чтобы удерживать въ повиновеніи вассаловъ и поддерживать притязанія имперіи на роль всемірной монархіи, Византія на ряду со своими военными средствами пользовалась и услугами дипломатіи. Ея дипломатія была хитра, пронирлива, часто коварна и безразлично пользовалась интригою и угрозою, подку-

---

¹⁾ См. Schlumberger, Nicéphore Phocas (Paris, 1890); для VI вѣка—Diehl, L' Afrique byzantine (P. 1896).

²⁾ См. Schlumberger, Nicéphore Phocas и статью Neumann'a (Hist. Zeitschrift, t. XLV).

помъ и убійствомъ ¹⁾). Въ Константинополѣ существовалъ цѣлый сложный ритуаль для пріемовъ иностранныхъ посольствъ и въ этотъ пышный церемоніаль они умѣли искусно ввести на ряду съ поражающей роскошью и устрашающіе моменты. Здѣсь превосходно знали слабыя и сильныя стороны сосѣднихъ государствъ, хорошо знали, какой держаться по отношенію къ нимъ политики, какимъ почетнымъ титуломъ польстить тщеславію ихъ государей. Изъ соединенія этихъ свѣдѣній и возникло сочиненіе императора Константина VII подъ названіемъ „De administrando imperio“, написанное имъ въ поученіе сыну. Хотя въ Византіи и не существовало собственно дипломатическаго корпуса, тѣмъ не менѣе правительство ея умѣло находить подходящихъ дѣятелей изъ среды какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ. Наконецъ, религія силами своихъ служителей помогала дѣлу дипломатіи и содѣйствовала проповѣдью христіанства осуществленію идеала, достиженіе котораго всегда было завѣтною мечтою василевсовъ. Этимъ идеаломъ было возстановленіе Римской имперіи въ ея древнихъ предѣлахъ и, болѣе того, распространеніе ея до границъ вселенной, созданіе изъ сліянія народовъ въ лонѣ единой религіи всемірной монархіи.

---

¹⁾ См. Gasquet, L' Empire byzantin et la monarchie franque (P. 1888), особенно главу: L' Empire grec et les barbares.

Вопрос в том, как вводить в жизнь народную школу, и в этом отношении народная школа является не столько новым делом, сколько новым направлением в развитии народного образования. Народная школа должна быть органически связана с жизнью народа, с его культурой, с его традициями. Народная школа должна быть доступной для всех слоев населения, должна быть бесплатной, должна быть обязательной. Народная школа должна быть школой, которая не только дает знания, но и воспитывает человека, который способен к самообразованию. Народная школа должна быть школой, которая учит не только грамоте, но и жизни. Народная школа должна быть школой, которая учит не только читать, но и думать, не только писать, но и действовать. Народная школа должна быть школой, которая учит не только знаниям, но и любви к своему народу, к своей Родине. Народная школа должна быть школой, которая учит не только науке, но и искусству. Народная школа должна быть школой, которая учит не только профессии, но и гражданственности.

Вопрос в том, как вводить в жизнь народную школу, и в этом отношении народная школа является не столько новым делом, сколько новым направлением в развитии народного образования. Народная школа должна быть органически связана с жизнью народа, с его культурой, с его традициями. Народная школа должна быть доступной для всех слоев населения, должна быть бесплатной, должна быть обязательной. Народная школа должна быть школой, которая не только дает знания, но и воспитывает человека, который способен к самообразованию. Народная школа должна быть школой, которая учит не только грамоте, но и жизни. Народная школа должна быть школой, которая учит не только читать, но и думать, не только писать, но и действовать. Народная школа должна быть школой, которая учит не только знаниям, но и любви к своему народу, к своей Родине. Народная школа должна быть школой, которая учит не только науке, но и искусству. Народная школа должна быть школой, которая учит не только профессии, но и гражданственности.

1) См. Государственный доклад о состоянии народного образования в СССР за 1954 год. М., 1955.

3.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

БНАВНТИНКОЕ ОРМЕСТБО.

Ш. Д и л ь.

Византійское общество.

Переводъ съ франц. студ. Г. Васькова.

Представить точное изображеніе византійскаго общества, особенно въ сжатой формѣ, — дѣло далеко не легкое. Съ V вѣка, когда византійское общество начинаетъ складываться, и до XV—времени его разложенія—оно существовало болѣе 1000 лѣтъ, подвергаясь любопытнымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ, при желаніи дать его общую картину, неизбеженъ рискъ смѣшенія эпохъ, заимствования свѣдѣній отъ самыхъ различныхъ по времени писателей. Слѣдуя примѣру Краузе, который хотѣлъ дать изображеніе „Средневѣковыхъ Византійцевъ“ на основаніи данныхъ, безразлично почерпнутыхъ изъ самыхъ различныхъ по времени источниковъ, легко совершенно извратить истинное изображеніе. Въ виду этого мы благоразумно ограничимся тѣмъ, что отмѣтимъ лишь наиболѣе устойчивыя черты, которыя дѣйствительно могутъ быть разсматриваемы, какъ характерныя; за предѣлами же этихъ постоянныхъ признаковъ мы всегда будемъ указывать точные хронологическіе предѣлы изучаемыхъ нами общественныхъ явленій и внимательно отмѣчать въ нихъ эволюцію, не имѣя въ виду исчерпать предметъ и ограничиваясь констатированіемъ самыхъ существенныхъ фактовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію общественныхъ классовъ, составляющихъ византійское общество, необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Находясь на рубежѣ Азіи и Европы, будучи открыто въ равной мѣрѣ вліянію персидскаго и арабскаго міра и проникновенію различныхъ сѣверныхъ варваровъ, это общество представляетъ собою смѣшеніе всевозможныхъ расъ, обладаетъ чрезвычайно космополитическимъ характеромъ. Здѣсь встрѣчаются и смѣшиваются самыя разнообразныя племена—славяне, еракійцы, итальянцы, армяне, кавказцы, арабы. По временамъ нѣкоторыя народности, напримѣръ, славяне или армяне получали здѣсь преобладающее значеніе, но сила византійской цивилизаціи такова, что она ассимилировала и перерабатывала эти, по видимому, разнообразныя и строптивыя народности. „Византія, какъ это уже было замѣчено ¹⁾, принимаетъ этихъ иностранцевъ необразованными

¹⁾ А. Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. 539.

или дикарями и приводитъ ихъ къ служенію высокой государственной цивилизаціи въ качествѣ литераторовъ, ученыхъ богослововъ, искусныхъ администраторовъ, ловкихъ чиновниковъ“. Неизмѣнно устойчивый эллинизмъ, преобладаніе котораго въ области идей и нравовъ послѣ краткой реакціи времени Юстиніана лишь возросло, налагаетъ на нихъ свой отпечатокъ. Еще больше вліяніе христіанства, которое объединяетъ въ единомъ исповѣданіи православія разнообразныя элементы, составляющіе имперію, и придаетъ, создавая единеніе частей, нѣкоторое однообразіе обществу. Будучи одновременно языкомъ правительства, церкви и литературы, греческій языкъ, по выраженію Рамбо, лишь казался языкомъ національнымъ. Религія, сверхъ того, придавала имперіи видъ государства національнаго. Но, смотря по успѣху эллинистической ассимиляціи и христіанской проповѣди, въ этихъ общихъ очертаніяхъ наблюдается безконечное разнообразіе. Константинопольское общество—утонченное, изящное; оно вращается вокругъ трехъ притягательныхъ центровъ—св. Софіи съ ея религіознымъ блескомъ, императорскаго дворца съ его интригами, гипподрома съ его страстями. Провинціальное же общество менѣе изящно, но болѣе сильно и энергично; оно болѣе занято насущными интересами и матеріальными расчетами. Это дѣлаетъ еще болѣе трудною задачу того, кто пожелаетъ воскресить этотъ сложный и причудливый міръ.

1. Церковь.

Въ обществѣ, гдѣ церковныя дѣла тѣсно связаны съ дѣлами государственными, гдѣ религіозныя вопросы, служащіе нерѣдко для прикрытія вопросовъ политическихъ, въ равной степени возбуждаютъ страсти и въ старомъ и въ маломъ, гдѣ процвѣтаютъ ереси—плоды греческой склонности къ умствованію и партикуляризма расъ, входящихъ въ составъ имперіи,—естественно, лица духовнаго званія занимаютъ выдающееся положеніе. При всей зависимости отъ василевса, по желанію назначающаго и низводящаго Константинопольскаго патріарха, послѣдній по блеску окружающей его обстановки, по силѣ своихъ притязаній является почти восточнымъ папою. Онъ пріобрѣтаетъ большое значеніе въ обществѣ, когда носитель этого сана обладаетъ умомъ Фотія или характеромъ Михаила Керуларія. Благодаря числу митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, чудовищному богатству церквей, высшее духовенство является могучей силой въ государствѣ и, не смотря на большое смиреніе передъ свѣтской властью и на частое ослабленіе суровой

дисциплины, торжественныя собранія церкви—соборы—пользуются поразительной силой вліянія на общество.

Но главной силой церковнаго строя является монашество ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ въ IV вѣкѣ св. Василій составилъ для монастырей правила монашеской жизни, правила, которыя послѣ него были переработаны въ VI вѣкѣ св. Саввою, а въ IX вѣкѣ Θεодоромъ Студитомъ, развитіе монастырей въ Византіи пошло безостановочно. Въ силу истиннаго благочестія или по болѣе мірскимъ соображеніямъ благочестивыя основанія монастырей, обеспеченныхъ щедрыми дареніями учредителей, умножились въ числѣ. По влеченію благочестія или вслѣдствіе побужденій болѣе житейскаго характера цѣлыя толпы мірянъ устремились въ монастыри. Константинополь наполнился монастырями, а въ другихъ мѣстахъ имперіи всѣ гористыя и уединенныя мѣста постепенно наполнялись обителями: съ IV вѣка—Египеть, Синай, Палестина, нѣсколько позже—Олимпъ въ Виѳиніи, Латросъ въ Каріи, еще позже, въ X вѣкѣ—Аѳонъ, сдѣлавшійся „святой горой“ монаховъ (*Ἁγίον ὄρος*), острова, на примѣръ, Патмосъ, и такъ вплоть до отдаленной южной Италіи. На благочестивое, легковѣрное и суевѣрное населеніе эти монахи имѣли значительное вліяніе, особенно благодаря почитанію чудотворныхъ иконъ. На императорскую политику монахи, образующіе цѣлую армію, нерѣдко оказываютъ неотразимое вліяніе. Наконецъ, благодаря тому, что въ ихъ рукахъ сосредоточиваются громадныя земельныя имущества, благодаря ихъ умѣнью привлекать къ себѣ живыя силы военной и финансовой организаціи, монастыри становятся опасными для государства. Это обнаружилось въ жестокой борьбѣ, которую предприняли противъ нихъ иконоборные императоры и которую возобновили въ X вѣкѣ императоры уже православныя и преданныя благочестію. „Монахи, говорилъ императоръ Никифоръ Фока, не обладаютъ ни одною изъ евангельскихъ добродѣтелей; они лишь неустанно помышляютъ о стяжаніи новыхъ земельныхъ богатствъ“. Напрасны были попытки положить предѣлъ росту монастырскихъ имуществъ: государству пришлось уступить предъ слишкомъ сильнымъ теченіемъ. Тщетны были также попытки возстановить упавшую монастырскую дисциплину. Даже сама церковь во главѣ съ такими людьми, какъ Евстафій Солунскій въ XII вѣкѣ, не успѣла въ этомъ. Вслѣдствіе своей страстной суровости, уваженія и почтенія, которыми они всегда были окружены,—монахи представляли собою опасный эле-

---

¹⁾ Ferradou, *Les Biens des monastères à Byzance* (Bordeaux, 1896); Marin, *Les moines de Constantinople* (Paris, 1897); Niessen, *Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche* (Hamb., 1897).

ментъ въ византійскомъ обществѣ; въ виду неудержимаго роста ихъ богатствъ они были причиною обѣдненія государства. При этомъ все-таки справедливость требуетъ замѣтить, что благодаря своему дѣятельному усердію, которое безчисленное множество разъ обнаружилось въ проповѣди, учрежденіи школъ при монастыряхъ, въ ихъ заботливости о литературѣ и искусствѣ, въ основаніи библіотекъ, перепискѣ рукописей, иноки устава св. Василія Великаго съ честью содѣйствовали процвѣтанію византійской культуры.

2. Высшіе классы.

Въ Византіи, какъ и въ императорскомъ Римѣ, подъ названіемъ *ordo senatorius* существовала знать, занимавшая вообще въ военной и гражданской службѣ высшія должности, и представители которой носили различные титулы административной іерархіи. Одинаково могущественный благодаря занимаемымъ должностямъ, земельному богатству и личнымъ привилегіямъ, этотъ довольно многочисленный классъ *ἀρχοντες*, властелей (*δυνατοί*) занимаетъ въ государствѣ видное мѣсто. Въ столицѣ онъ доставляетъ свиту и совѣтниковъ государя, въ провинціяхъ, гдѣ онъ образуетъ настоящій феодальный міръ, онъ становится нерѣдко элементомъ опаснымъ для государства.

Высшее общество даетъ наиболѣе яркое представленіе о византійской жизни и ея роскоши. Въ продолженіе долгаго времени Византія сохраняла въ своемъ домашнемъ обиходѣ римскія традиціи, лишь внеся въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и усовершенствованія подъ вліяніемъ Востока. До самой эпохи Крестовыхъ походовъ дома строились по планамъ древнихъ жилищъ. Византійскіе дома, сохранившіеся частью въ разрушенныхъ городахъ центральной Сиріи, всегда имѣли при себѣ двory, опоясанные портиками, зданія термъ и большіе сады, окружавшіе всѣ зданія. Роскошь внутренняго убранства была чрезвычайная. Мы уже говорили о великолѣпнiи императорскаго дворца; та же самая роскошь отличала и безчисленные дворцы частныхъ лицъ, наполнявшіе Константинополь. Залы были украшены мозаикой, обставлены великолѣпной мебелью съ инкрустаціей изъ металла или слоновой кости, увѣшаны коврами и занавѣсами съ золототканымъ орнаментомъ изъ сказочныхъ животныхъ или изображеніями религіозныхъ сюжетовъ. Роскошь стола была чрезвычайна; еще больше роскоши представляла одежда. Древне-римское одѣяніе долго оставалось излюбленнымъ, но подъ вліяніемъ Востока старыя формы одежды получили новыя украшенія; съ другой стороны, благодаря соприкосновенію съ сосѣдными народами,

проникли чужеземныя моды, придавшія византійскимъ костюмамъ необыкновенное разнообразіе. Но общеою характерною чертою осталось поразительное великолѣпіе отдѣлки. Одежды изъ шелка и пурпура, изъ тканей, вышитыхъ золотомъ, ниспадавшихъ прямыми, стройными складками, изъ матерій, затканыхъ узорами, даже изображеніями иконъ—неизбѣжный костюмъ мужчинъ и женщинъ. Даже въ мужскомъ туалетѣ драгоцѣнныя бездѣлушки занимаютъ значительное мѣсто; не менѣе роскошны лошади и упряжь, и моралисты, какъ Іоаннъ Златоустъ въ V вѣкѣ, какъ Θεодоръ Студитъ въ IX вѣкѣ, какъ многіе другіе съ горячностью указываютъ на чрезмѣрность описываемыхъ ими расходовъ. Эпоха Крестовыхъ походовъ не уменьшила роскоши; въ это время были внесены только нѣкоторыя внѣшнія измѣненія. Въ XIV вѣкѣ въ домахъ не сохранилось ничего античнаго, нерѣдко они напоминаютъ замки Запада. Костюмы, не смотря на то, что длинныя восточныя одѣянія не выходили изъ употребленія, сдѣлались болѣе легкими и простыми, а остроконечныя отороченныя мѣхомъ шапочки сдѣлались характернымъ уборомъ ¹⁾.

Обычная обстановка повседневной жизни не менѣе великолѣпна. Это общество было склонно къ удовольствіямъ—оно любило охоту, лошадей, всевозможный спортъ; его прельщаетъ театръ, циркъ и въ особенности великолѣпныя придворныя церемоніи и блестящія церковныя торжества. Нравственный уровень общества не высокъ; не смотря на всѣ мѣры гражданскаго и церковнаго законодательства, оно съ удовольствіемъ участвуетъ во всевозможныхъ интригахъ и заговорахъ; благодаря легковѣрной довѣрчивости вельможъ къ различнымъ пророкамъ, распалаявшимъ ихъ честолюбіе своими предсказаніями, спокойствіе имперіи нерѣдко было нарушаемо.

Не смотря на довольно строгое, повидимому, затворничество женщинъ, не смотря на цѣлый штатъ евнуховъ, охранявшихъ всѣ входы женской половины, женщины, кажется, занимали видное мѣсто въ обществѣ. Не говоря уже о такихъ императрицахъ, какъ Θεодора, Ирина, Θεοφано, Евдокія, которыя изъ властолюбія принимали дѣятельное участіе въ направленіи политическихъ дѣлъ, или же о тѣхъ, которыя своимъ блескомъ и изяществомъ много содѣйствовали расцвѣту византійской цивилизаціи, даже менѣе видныя женщины занимали въ домѣ значительное положеніе. Мы знаемъ, какъ Анна Далассенъ, мать Комненовъ, воспитывала своихъ сыновей и обезпечила ихъ судьбу; на менѣе вы-

---

¹⁾ См. Weiss, *Kostümkunde* (Stuttgart, 1864).

сокой общественной ступени мы видимъ мать Пселла или Феодора Студита, являющихся любопытными примѣрами семейныхъ добродѣтелей. Въ высшихъ классахъ высота нравственнаго уровня нерѣдко сомнительна, но умственное развитіе стоитъ высоко. Благодаря своему умственному развитію, благодаря той страстности, съ которой они отдавались всѣмъ увлеченіямъ времени, какъ скачкамъ въ гипподромѣ, такъ и религии, византійскія женщины играютъ выдающуюся роль во всѣхъ событіяхъ государственной и общественной жизни.

Необходимо сказать и относительно воспитанія, которое получало это общество; повидимому, руководили имъ весьма внимательно. Въ программу входило одновременно знаніе и священнаго писанія, и древнихъ классиковъ, грамматики, реторики, діалектики, иногда музыки и математики. Въ VI вѣкѣ славились высшія школы въ Константинополѣ, Газѣ, Бейрутѣ (юриспруденціи); въ X вѣкѣ преобразование высшей школы Магнавры, а въ XI—возстановленіе высшей юридической школы въ Константинополѣ дало значительный толчокъ сильному умственному теченію. Если бы кто-либо пожелалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ опредѣлить результаты этого образованія, то пришлось бы обратиться къ разсмотрѣнію всего, что было извѣстно царевнѣ, на примѣръ, Аннѣ Комнень, чловѣку изъ высшаго общества, какъ Фотій, или средняго класса, писателю, на примѣръ, Михаилу Пселлу. Успѣхъ этого воспитанія, направляемаго „консуломъ философіи“, былъ поразителенъ. Начиная съ XI столѣтія отсюда возникаетъ возрожденіе платонизма, откуда со временъ Палеологовъ рождается гуманизмъ.

Въ провинціяхъ высшая феодальная аристократія представляется совершенно въ иномъ освѣщеніи. По всей имперіи, особенно въ Азіатскихъ провинціяхъ, появляются мѣстныя знатныя фамиліи, владѣющія громадными помѣстьями съ прикрѣпленнымъ къ послѣднимъ населеніемъ колоновъ, съ собственными войсками; эти фамиліи, подобно высшимъ представителямъ церкви, пользуются своею силою для того, чтобы увеличивать свои богатства на счетъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ. Императоры IX и X столѣтій дѣлали большія усилія для того, чтобы положить предѣлъ усиленію этой землевладѣльческой аристократіи и защитить противъ ея насилій средній классъ населенія. Они далеко не имѣли полного успѣха. Мы видимъ, какъ въ XI столѣтіи высшая знать, опираясь на армію, колеблетъ тронъ своими возстаніями. Въ XIII вѣкѣ латиняне, утвердившись въ имперіи, признали безъ затрудненій въ греческихъ *ἀρχοντες* западныхъ бароновъ. Несомнѣнно, византійскій феодализмъ не былъ столь искусно организованъ, какъ феодализмъ французскій, но все-таки мы въ немъ найдемъ достаточно сход-

ныхъ чертъ, напимѣрь, комментацію, связывающую мелкаго собственника съ сеньоромъ настоящими вассальными узами, или бенефицию (*χαριστικήσιον*), при помощи которой мірянинъ пользуется церковнымъ имуществомъ и т. д.

Ниже этой провинціальной знати вслѣдствіе учрежденія военныхъ надѣловъ, пользованіе которыми связано съ обязательствомъ военной службы, образуется настоящее „рыцарство“ (*καβαλλάριοι*), дающее необходимую опору притязаніямъ сильныхъ бароновъ. Исторія византійской имперіи вся пестритъ именами этихъ феодальныхъ фамилій—Фоки, Склиры, Диогены, Бриенніи, Дуки, Комнены, Палеологи—честолюбивыхъ, беспокойныхъ, мятежныхъ, которые не разъ вносили смуту въ имперію или же завладѣвали ею ¹⁾.

3. Средніе классы; промышленность и торговля.

Ниже аристократіи стоитъ среднее городское сословіе, отчасти доставляющее государству чиновничество, но главнымъ занятіемъ имѣющее торговлю, промышленность и банковое дѣло. Пселль въ весьма привлекательныхъ чертахъ представилъ намъ домашній обиходъ этого общественнаго класса и его хорошія стороны. Еще лучше показываетъ заслуги этого класса созданное имъ благосостояніе промышленности и торговли.

Въ Византійской имперіи промышленный классъ охватывала чрезвычайно строгая административная регламентація. Трудъ не былъ свободенъ. Средневѣковый Константинополь (какъ это уже было сказано) представлялъ собою настоящее царство монополіи, привилегіи и протекціонизма ²⁾. Подъ верховнымъ наблюденіемъ эпарха различныя ремесленники были организованы въ герметически закрытыя корпорации, стоявшія подъ бдительнымъ надзоромъ и тщательной регламентаціей во всемъ, что касалось вступленія въ корпорации, заработной платы, способовъ производства, продажи. Въ цѣляхъ покровительства корпорациямъ были приняты строгія ограничительныя мѣры, подавлявшія иностранную конкуренцію. „Книга эпарха“, относящаяся къ IX вѣку, указываетъ намъ главныя изъ корпораций; сюда относятся: торговцы шелковыми издѣліями, льняными тканями, благовоніями, мыломъ, бакалейными товарами, мясомъ, хлѣбомъ, виномъ, мѣнялы, банкиры и т. д.

¹⁾ См. Rambaud, L'Empire grec, p. 277—297; Neumann, Die Weltstellung des byz. Reiches vor den Kreuzzügen (Leipzig, 1894).

²⁾ Nicole, Le Livre du préfet (Genève, 1894).

Византійская промышленность производить, главнымъ образомъ, предметы роскоши. Съ VI вѣка, когда въ имперіи возникло разведеніе шелковичныхъ червей, производство шелковыхъ тканей находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Тиръ, Бейрутъ, Константинополь сдѣлались центрами этого рода производства. Въ другихъ мѣстахъ выработывали пурпурныя и льняныя ткани съ богатымъ шитьемъ, одѣянія, украшенныя рисункомъ, или съ золототкаными узорами—все настоящія чудеса промышленности, продажа которыхъ за-границу была точно регламентирована. Среди ювелирныхъ работъ, эмалей, произведеній изъ стекла встрѣчаются превосходные образцы: все, что зналъ Западъ изъ предметовъ утонченной роскоши—все это изъ Константинополя, Солуны и т. д. Рѣзные ларцы изъ слоновой кости, драгоценныя вещи, сверкающія рубинами и жемчугомъ, бронза съ серебряной насѣчкой, раки съ перегородочной эмалью, рукописи на пурпурномъ пергаментѣ, съ превосходными миціатюрами, мозаичныя иконы, распятія, всевозможные шедевры драгоценныхъ принадлежностей богослуженія, наконецъ всѣ тѣ произведенія искусства, изъ которыхъ многія сохранились до нашихъ дней,—все говорить о высокомъ развитіи византійскаго искусства и промышленности. Керамика также была въ ходу. На рынкахъ Средней улицы (*Μεση*), въ столичныхъ мастерскихъ господствовало непрерывное и дѣятельное торговое движеніе.

Торговля процвѣтала въ не меньшей степени. Находясь на рубежѣ Востока и Запада, Константинополь являлся большимъ складочнымъ пунктомъ, куда стекались товары Азіи, Африки, Италіи, Испаніи, Германіи и Россіи. Съ одной стороны черезъ Сирію, съ другой по Красному морю имперія находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ крайнимъ Востокомъ и частью непосредственно, частью черезъ посредство сначала персовъ, а потомъ арабовъ, она сносилась съ Цейлономъ и Китаемъ. По Черному и Каспійскому морю она получала изъ Центральной Азіи москательные товары, благовонія, драгоценныя камни. На сѣверѣ торговые пути достигали Россіи и Скандинавіи, которыя доставляли Византіи пушной товаръ, медъ, воскъ, рабовъ. Византійскіе купцы, главнымъ образомъ,—сирійцы и армяне, бывали въ Африкѣ, въ Италіи, въ Галліи. До XI столѣтія византійскій торговый флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ. Центромъ торговли былъ, однако, не только одинъ Константинополь: въ Солуни были знаменитыя ярмарки; Патрасъ, Корфу и проч. были очень оживленными портами. И не смотря на стѣснительныя мѣры относительно ввоза многихъ иностранныхъ продуктовъ и вывоза нѣкоторыхъ мѣстныхъ произведеній, торговля пошлины, таможенные сборы, монополіи и т. д. доставляли имперіи громадныя де-

нежныя средства ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, начиная съ XI столѣтія, особенно со времени Крестовыхъ походовъ, въ византійской торговлѣ начался упадокъ: большіе итальянскіе города—Венеція, Генуя, Пиза—въ это время получили въ имперіи важныя привилегіи и вскорѣ своей конкуренціей разорили торговый византійскій флотъ и питавшія его отрасли промышленности.

4. Низшіе классы.

Въ большихъ городахъ имперіи и, главнымъ образомъ, въ столицѣ живетъ многочисленное населеніе, въ большинствѣ случаевъ праздное. Свободное отъ податей, оно ждетъ пропитанія отъ императора, который даетъ ему бесплатно хлѣбъ, вино и масло; отъ императора оно ждетъ также удовлетворенія своей страсти къ развлеченіямъ зрѣлищами въ циркѣ и блестящими церемоніями. Эта разноплеменная толпа черни, непрестанно растущая отъ притока несчастнаго люда изъ провинцій, представляетъ собою опасный элементъ въ государствѣ. Суевѣрная, преданная благочестію, готовая вѣрить предсказаніямъ гадателей и чудесамъ, совершаемымъ святыми иконами, она страстно возбуждается подъ воздѣйствіемъ религіозныхъ вопросовъ и подъ вліяніемъ управляющихъ ею монаховъ; нерѣдко она диктуетъ свою волю дворцу. При томъ же, благодаря своей возбудимости, нервозности, впечатлительности, благодаря той легкости, съ какою она предается неистовствамъ, а затѣмъ впадаетъ въ отчаяніе, она нерѣдко раздражалась ужасными смутами. При своей страсти къ сплетнямъ она съ удовольствіемъ встрѣчала всевозможные памфлеты, оскорбительныя нападки, крикливую и пустую оппозицію. Низы византійскаго населенія мало-по-малу, начиная съ XII столѣтія, организовались въ цѣляхъ соціальной борьбы, какъ, на примѣръ, „нагіе“ (*γυμνοί*) на Корфу (XII ст.) или „зелоты“ въ Солуни (XIV ст.); ихъ усилія ясно показываютъ бессознательныя попытки созданія коммунальнаго строя.

Въ провинціяхъ положеніе сельскихъ классовъ болѣе сложно. Здѣсь мы различаемъ двѣ главныя категоріи—свободныхъ крестьянъ, организованныхъ въ сельскія общины (*μητροκομῖαι, κομητορῖαι*), и крестьянъ, наслѣдственно прикрѣпленныхъ къ землѣ, которую они обрабатываютъ; соотвѣтственно степени ихъ свободы они называются *coloni, adscriptitii, (ἐναπόγραφοι), servi rustici*. Работая за счетъ землевладельца, они обязаны были ему опредѣленными податями и нѣкоторыми

¹⁾ Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen âge, t. 1 (Leipzig, 1885).

натуральными повинностями. Подъ бременемъ разорительныхъ налоговъ, въ частности *ἐπιβολή*, вслѣдствіе утѣсненій со стороны крупныхъ собственниковъ, угнетавшихъ или разорявшихъ ихъ, положеніе земледѣльческаго класса было чрезвычайно тяжело. Иконоборные императоры, кажется, пытались въ VIII столѣтіи улучшить ихъ положеніе, преобразуя колонаты и развивая на его мѣсто сельскую общину, которая процвѣтала преимущественно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладалъ славянскій элементъ. Послѣ нихъ узы, привязывавшія челоуѣка къ землѣ, появились вновь, а захваты *δυνατοί*, какъ церковниковъ, такъ и мірянъ, стремившихся вытѣснить классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, лишь возросли. Императоры X столѣтія усиливались поддерживать этотъ средній классъ мелкихъ землевладѣльцевъ (*πένητες*) противъ поглощенія его классомъ крупныхъ собственниковъ: они не могли положить предѣла увеличенію числа прикрѣпленныхъ къ землѣ, или париковъ (*παροικοί*). Тщетно установили они въ цѣляхъ обезпеченія, по крайней мѣрѣ, пополненія арміи, ядро которой составляли эти могучіе земледѣльцы, неотчуждаемые воинскіе надѣлы, которые существовали до самаго конца имперіи. Эти частныя владѣнія скоро сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ земель, а масса сельского населенія— „убогіе“— оставались, какъ и на Западѣ, прикрѣпленными къ землѣ, такъ что въ XIII вѣкѣ латиняне безъ всякаго колебанія отождествили ихъ съ французскими виланами ¹⁾.

Рабство, наконецъ, продолжало существовать въ византійскомъ обществѣ благодаря непрерывному подвозу военноплѣнныхъ какъ съ востока, такъ и изъ числа славянъ или италійцевъ и добровольному вступленію въ рабство. Все-таки, подъ воздѣйствіемъ христіанскаго ученія императоры XII вѣка заботятся объ улучшеніи положенія рабовъ и объ облегченіи ихъ отпуска на волю.

5. Господствующіе вкусы византійскаго общества.

Послѣ обзора различныхъ категорій византійскаго общества намъ остается отмѣтить господствующіе вкусы этого общества и указать важные вопросы, которые его занимали и волновали.

Хотя и неправильно думать, какъ это полагали раньше, будто вся исторія Византіи сводится, въ сущности, къ соперничеству партій Синихъ и Зеленыхъ, тѣмъ не менѣе, остается внѣ всякаго сомнѣнія, что игры

---

¹⁾ Zachariae von Lingenthal, Geschichte des gr. röm. Rechts, p. 218—283 (Berlin, 1892).

въ гипподромѣ до XII столѣтія принадлежали къ числу наиболѣе любимыхъ зрѣлищъ византійскаго общества. Начиная съ императора и кончая послѣднимъ его подданнымъ, вся Византія проявляетъ страстный интересъ къ цирку. Кучера—важныя особы. Общества, которыя организуютъ зрѣлища въ гипподромѣ—знаменитыя партіи Синихъ и Зеленыхъ—являются корпораціями съ признаннымъ общественнымъ значеніемъ; у нихъ свои предсѣдатели—демархи, свои начальники частей, своя касса; наконецъ, они организованы въ нѣкоторое подобіе городской милиціи, выступающей во время оффиціальныхъ церемоній; вокругъ нихъ группируется весь народъ; къ нимъ присоединяется даже самъ императоръ, смотря по тому, кучерамъ какой партіи онъ покровительствуетъ. Соперничество въ циркѣ нерѣдко принимаетъ политическую окраску и, выходя за предѣлы гипподрома, охватываетъ все государство. Такимъ образомъ циркъ становится настоящимъ очагомъ политической жизни: онъ замѣняетъ собой древній форумъ. Здѣсь справляютъ триумфы, здѣсь же исполняется смертная казнь; здѣсь проявляется оппозиція, здѣсь подготавливается возстаніе. Сама церковь, которая въ Византіи причастна всѣмъ проявленіямъ общественной жизни, принимаетъ участіе въ торжествахъ, которыя совершаются здѣсь, такъ что громадная, великолѣпная постройка гипподрома со своею *spina*, сплошь уставленною статуями, соединяетъ въ дни скачекъ всѣ классы и является „настоящимъ зеркаломъ греческаго общества въ Средніе вѣка“. Съ V по VII вѣкъ партіи цирка глубоко возмущали спокойствіе государства: стоитъ вспомнить страшное возстаніе 532 года. Мало-по-малу, однако, императорамъ удалось укротить эти партіи; во главѣ ихъ были поставлены „демократы“, которые были важными государственными сановниками; партіи все болѣе и болѣе пріобрѣтали оффиціальный характеръ, стали выстраиваться рядами по пути слѣдованія императора, привѣтствовать его ритмическими возгласами. Сдѣлавшись менѣе опасными для государства, онѣ сохранили популярность; до XII столѣтія зрѣлища въ циркѣ остались наиболѣе любимымъ удовольствіемъ византійцевъ ¹⁾.

Съ другой стороны, важное мѣсто въ этомъ обществѣ занимала религія. „Храмъ, справедливо замѣчаетъ историкъ византійской цивилизаціи, былъ единственнымъ мѣстомъ народнаго единенія, бывшимъ въ распоряженіи общества въ Византіи. Сюда собирались и для молитвы, и для того, чтобы повидаться и поговорить. Церкви имѣли много привлекательнаго для всѣхъ половъ, возрастовъ, для всѣхъ классовъ общества:

---

¹⁾ Rambaud, *Le Sport et l'hippodrome à Constantinople* (*Revue des Deux Mondes*, 15 août 1871).

ихъ великолѣпная обстановка, вызываемыя ею чувства нравственнаго и духовнаго подъема—все привлекало населеніе въ церковную ограду. Благочестіе и условія мірской жизни тѣсно переплетались¹⁾. Жизнь императора, принимавшаго близкое участіе во всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, была, собственно говоря, жизнью святителя; акты его правительственной дѣятельности, казалось, были непосредственно внушены Богомъ; его войны, въ которыхъ преобладало желаніе покорить и обратить въ христіанство невѣрныхъ, имѣли—напримѣръ, война Ираклія—характеръ настоящихъ крестовыхъ походовъ. Константинополь былъ полонъ монастырей и церквей; вся страна усѣяна обителями, многія изъ которыхъ славились, какъ излюбленныя мѣста уединенія и паломничества. Церковь обладала чудовищной властью надъ обществомъ, особенно надъ женщинами. Легковѣрное общество привязывалось къ „нерукотвореннымъ“ иконамъ, совершавшимъ чудеса. Религіозную ревность воспламеняли святыя реликвіи, которыми особенно полна была Византія и которыя составляли не меньшую приманку и для латинянъ. Суевѣрный народъ, недостаточно, къ тому же, еще освободившійся отъ язычества, во всякомъ происшествіи видѣлъ проявленіе божественной воли. Если къ этому присоединить еще, что ереси довольно часто служили прикрытіемъ политическихъ вопросовъ, то мы не удивимся, что религіозные споры такъ часто занимаютъ византійское общество и что благочестивый, легковѣрный народъ, преданный православію и монахамъ, нерѣдко во имя религіи производилъ революціи и ревностью къ вѣрѣ оправдывалъ свою изъ вѣка въ вѣкъ растущую ненависть къ латинскому Западу.

При всемъ значеніи въ Византіи цирка и религіи, надо тщательно остерегаться смотрѣть сквозь призму этихъ двухъ моментовъ на все византійское общество. Ему были знакомы болѣе серьезные и важныя проблемы—вопросъ соціальный, выражавшійся въ борьбѣ богатыхъ и бѣдныхъ, которая привела къ установленію гибельной феодальной аристократіи; вопросъ аграрный, который существенно измѣнилъ земельный строй, создалъ крупное свѣтское и церковное землевладѣніе, уничтожилъ средній классъ и привелъ къ обѣдненію и разоренію государства; наконецъ, вопросъ экономическій—промышленный строй, подавлявшій всякую свободу, мало-по-малу уничтожилъ источники богатства; торговля, незамѣтно перехваченная иностранцами, поселившимися въ Константинополь, падаетъ отъ конкуренціи болѣе молодыхъ и смѣлыхъ народовъ. Все это—вопросы, составлявшіе настоящую основу византійской жизни и

---

¹⁾ Paparrigopoulo, Histoire de la civilisation hellénique (Paris, 1878).

постоянно привлекавшіе вниманіе императоровъ. До тѣхъ поръ, пока грозившая опасность предупреждалась удачными мѣрами, имперія была сильна, наслаждалась спокойствіемъ, въ ней процвѣтала цивилизація. Такимъ образомъ, почти во всѣ Средніе вѣка византійское общество, благодаря своей умственной культурѣ, артистическимъ вкусамъ, изяществу, было настоящею воспитательницею остальной Европы. Но когда императоры оказались не въ силахъ разрѣшить эти проблемы, раздробленная, обѣднѣвшая монархія, не имѣвшая силы сопротивленія, рушилась сама собою и византійцы XIII—XV столѣтій не имѣли уже ничего, кромѣ воспоминаній и суетной гордости своимъ былымъ блескомъ и значеніемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
I. Введеніе въ Византійскую исторію	1
II. Византійскія учрежденія	19
1. Византійскій императоръ.....	19
2. Центральное управленіе.....	22
3. Областное управленіе.....	24
4. Установленія финансовыя, судебныя и военныя.....	26
а) Судебная организація.....	26
б) Финансовая организація.....	27
в) Армія и флотъ.....	28
г) Дипломатія.....	30
III. Византійское общество	35
1. Церковь.....	35
2. Высшіе классы.....	38
3. Средніе классы; промышленность и торговля.....	41
4. Низшіе классы.....	43
5. Господствующіе вкусы византійскаго общества.....	44
